

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ИГОРЬ ВАРДУНАС
ПУТЬ ПРОКЛЯТЫХ

FUTURE CORP.

Метро

Игорь Вардунас

Метро 2033: Путь проклятых

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вардунас И. В.

Метро 2033: Путь проклятых / И. В. Вардунас — «Издательство АСТ», 2016 — (Метро)

ISBN 978-5-17-097083-4

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Многие надежды оказались разбиты, многие стремления были напрасны. Быстро меняющийся мир жесток к тем, кто когда-то самонадеянно считал себя его повелителями. Но где-то там, за горизонтом, остался родной дом, который посылает мольбы о помощи. А значит, Лерке Степановой и команде атомохода «Иван Грозный» пора отправляться в очередное плавание, полное новых открытий и опасностей. Ведь каждый путь, сколь бы долгим он ни был, однажды должен завершиться. Пусть даже кто-то назовет его путем проклятых.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097083-4

© Вардунас И. В., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Пока «Титаник» плывет	7
Пролог	9
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	26
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Игорь Владимирович Вардунас

Метро 2033. Путь проклятых

© Д. А. Глуховский, 2016

© И. В. Вардунас, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пока «Титаник» плывет

Объяснительная записка Вячеслава Бакулина

Как я и ожидал, после выхода романа «К далекому синему морю» в околometroшных кругах поднялась небольшая буча. ГлавВред (теперь уже в написании этого слова вариативность точно отсутствует) оказался даже еще более груб, черств и неполиткорректен, чем все полагали. В своем «предисловии» он не хвалил хороший роман хорошего писателя, не гладил авторов и читателей павлиньими перьями («Кто молодец? Ты молодец!») и вообще про книгу если и говорил, то сугубо ругательно. Ну, так, по крайней мере, оно читалось. И про серию. И про жанр. И про святое. Я-то точно знаю, потому что прочитал двадцать восемь книг «Вселенной» и еще тучу «Сталкеров» с точками и без. И вообще я все лучше знаю. И умею. И могу. В следующий раз, прежде чем такую эпидерсию непрофессиональную городить, лучше меня спросите. А еще лучше – опубликуйте. Не меня, так хоть моего друга. Он крутой. А тут сплошь тупые. И обложки отстой. В общем, доколе, братия?!

Что ж, сам жанр «объяснительной» требует объяснений. Так не угодно ли?

Друзья мои! А кто вам вообще сказал, что на этих двух страничках, предваряющих романы «Вселенной», я пишу предисловия? Рецензии? Свои впечатления от текстов? Что моя цель – да что там цель! работа! святая обязанность! – убедить вас, что книга хороша и вы не зря выложили за нее свои кровные?

Моя работа – сложная, интересная и любимая, как я уже имел честь сообщить вам ранее, – вовсе не в этом. Убедить, что книга хороша, читателя может только и исключительно сама книга. Не обложка. Не реклама. И даже отзыв коллег по перу и рецензентов, сколь угодно авторитетных, может лишь заинтересовать. Подвигнуть на знакомство с текстом. Всё. Дальше каждый решает сам. Хвалит, ругает, спорит и записывается в последователи.

Да, у меня в серии тоже есть свои любимчики. Да, порой я могу поговорить и о конкретных текстах – проблемах, в них поднятых, идеях, которые созвучны мне так же, как и автору романа. Героях любопытных, наконец. Могу, честно.

Обязан ли?

Впрочем, есть еще один вариант предназначения «объяснительной записки», опять же, следующий из самого ее названия. Объяснить, почему именно эта книга опубликована в серии. А не другая. Оправдаться за выбор «дорогой редакции», другими словами.

Вы любите оправдываться? Только честно? Почему-то я так и думал.

Подытожим. Моя работа – издать книгу. В соответствии со своими профессиональными навыками, конъюнктурой рынка и личными пристрастиями. И только. Не хвалить, не ругать и, уж тем более, не пытаться заранее настроить читателя на «нужный» лад еще до того, как он ознакомился с произведением.

Но, кроме работы, у меня еще есть собственное видение прав и свобод главного редактора проекта, как ни крути, имеющего достаточно широкий резонанс. Человека, который более пятнадцати лет читает чужие тексты практически каждый день, без выходных и праздников. Который, будучи сотрудником нормальной коммерческой организации, имеющей целью своей деятельности получение прибыли, так же облечен ответственностью за то, что именно, в конечном счете, увидит свет. Станет достоянием общественности. Быть может, сформирует чье-то мнение, мировоззрение. Или даже – мнение многих. Или – кардинальным образом поменяет существующее. Создаст новый тренд.

Я люблю беседу. Люблю делиться своими мыслями. Особенно давним и наболевшим. Люблю ворошить, тормошить и заставлять думать. Спорить. Возмущаться. Провоцировать. И не люблю все шаблонное, скучное, равнодушное, неискреннее.

И я буду это делать. Именно это, с моей точки зрения, профессионально для редактора. То самое *profession de foi* – выражение, смысл которого Гайдаевский режиссер Якин понимал совершенно превратно. Потому что дело тут вовсе не в должностных обязанностях.

Что до романа Игоря Вардунаса, то, перефразируя ушастого мутанта, ставшего сверхпопулярным в Стране восходящего солнца задолго до аварии на АЭС «Фукусима-1», они плыли, плыли и, наконец, приплыли. Аллес! Финита! Завершена еще одна трилогия. Справился ли автор со своей задачей? Все ли читательские надежды оправдал? Еще четыре страницы – и у вас будет возможность узнать ответ на этот и другие вопросы из первых уст. Единственных, по-настоящему заслуживающих доверия.

Вы же для этого книгу купили. Разве нет?

Пролог

У каждого своя дорога. Когда все рухнуло, каждый из нас сломался по-своему. Кто-то наполовину, кто-то совсем. Знала ли я несколько месяцев назад, что отправлюсь в поход на край света с призрачной мечтой восстановить мир? Надежда. Я уже не верю в это слово. После всего, что случилось с нами в Антарктике, веры просто не осталось. Все было напрасно. Даже новая мечта вскрыть Хранилище Судного Дня и засеять разрушенную войной планету обернулась предательством и новой катастрофой.

Мы метнулись в очередной поход. И снова все тщетно. Человечество, или те осколки, что от него остались, прокляты до конца своих дней, которых впереди не так уж и много. Я не верю в счастливый конец. Слишком много жестокости и боли.

Хри-ш-ш...

В отличие от остальных выживших, у нас, как нам казалось, было огромное преимущество в виде подлодки. Но и тут мы ошибались. Это всего лишь очередной осколок. Маленький уголек, который со временем потухнет, как и все остальные.

Кому я все это говорю... Но сил уже не осталось.

На Фарерах мы обнаружили колонию выживших, что в очередной раз доказало: мы не одиноки. Но что с того. Всего лишь горстка людей, цепляющихся за жизнь кто как умеет, пусть и в секторе, лишенном радиации.

Что теперь делать? Не знаю. На днях состоится суд над Линь Имом из-за его диверсии в Хранилище. А дальше...

Дальше нам нужно торопиться домой. Без энергоресурсов лодки наши дом в Пионерске недолго протянет. Нас и так уже очень долго нет. Но как возвращаться, зная, что все усилия оказались напрасны? Как смотреть в глаза родным и близким?

Да и ждут ли нас? Должно быть, давно похоронили. Но хочется думать, что нет. А даже если и так, их не в чем упрекнуть. Этот сожженный дотла муравейник диктует свои правила. И если бы я могла вернуться назад, я бы сказала той самой себе несколько месяцев назад: «Не иди на лодку! Останься дома!» Я не стала бы убийцей, хоть и нашла свою любовь. Выучила чужой язык. Встретила новых друзей.

Дом. Даже в этом аду есть место, куда хочется вернуться в надежде, что тебя все-таки ждут. Хоть там у меня никого нет, кроме деда. Пускай. Мы должны помочь остальным. И мы сделаем это, я знаю.

Верю.

Хоть мы все и прокляты. Но это наш путь. И мы пройдем его до конца.

Должны пройти. Пока еще есть силы.

И остатки веры...

Валерия Степанова. Одна из уцелевших членов команды атомохода «Иван Грозный». Атлантический океан. Фарерские острова.

...з-звизу-у...

...-ое декабря. Две тысячи ...идцать ... ретьего... года...

...ш-ш-ш...

Конец св. зи...

ХРРР-Р... ЩЕЛК!

...ит «Москва».

...ш-ш-ш...

...целели! Повторяю, говорит «Москва»! Как слышите меня, координаты 44°36′ северной широты, 33°31′ восточной долготы... Мы в Севастополе... терпим... б... ие...

...выжившие...

...Повторяю, говорит «Москва»! Флагман черноморского флота России, противолодочный крейсер «Москва», как слышите? Терпим бедствие. Есть выжившие. Сигнал на репите, прием!

...ш-ш-ш...

...Мы здесь...

Есть кто-нибудь жи...

Часть первая

Ветер перемен

Путь праведника труден, ибо препятствуют ему себялюбивые и тираны из злых людей. Блажен тот пастырь, кто во имя милосердия и доброты ведет слабых за собой сквозь долину тьмы. Ибо именно он и есть тот, кто воистину печется о ближнем своем и возвращает детей заблудших. И совершу над ними великое мицение наказаниями яростными, над теми, кто замыслил отравить и повредить братьям моим. И узнаешь ты, что имя мое Господь, когда мицение мое падет на тебя.

КНИГА ПРОРОКА ИЕЗЕКИИЛЯ. ГЛАВА 25, СТИХ 17

Глава 1

Сын императора

Все собрались в тронном зале «Черного дракона». Потолок терялся в абсолютном сумраке, чернильным покрывалом расстилавшемся над головами собравшихся. На полу, подставках, подвешенных на цепи кадилах, – всюду были расставлены затейливые светильники и лампадки, бросавшие косые тени на развешанные по стенам картины и тканые полотна ручной работы, изображавшие животных и всевозможные местности, в которых когда-то довелось побывать гигантскому кораблю.

Представители Фарерских островов в лице вызванных старейшин под предводительством верховного правителя Ульриха Семиброка во все глаза разглядывали всевозможные вазы на витиеватых подставках, мудреные гобелены и еще множество старинных предметов подернутой временем роскоши, завещанных давно ушедшими предками, прятавшихся от света по темным углам.

В центре собрания перед тронном Великого Императора с гордо поднятой головой стоял Линь Им Су со связанными за спиной руками. Свет от множества факелов причудливыми бликами выплясывал на его лице. Застыв словно изваяние, мужчина смотрел прямо перед собой, куда-то между последней ступенькой, ведущей к трону, и подошвами сапог Великого Императора. Всем своим видом Линь выказывал полное отрешение и, казалось, был равнодушен к напряжению, царящему вокруг.

Разбирательство решили перенести в главный зал «Дракона», так как погода снаружи вконец испортилась, а Император не пожелал пока ступить на чужеземный берег. Участники суда, вставшие полукругом, разделились на три группы – представителей Императора, совет старейшин Фарерских островов и команду «Ивана Грозного». И каждой было что предъявить.

– Мы требуем выдачи диверсанта! – в который раз громоподобно потребовал Вальгир Турнотур. Поддерживая его слова, Семиброк звонко осадил посохом по металлическому полу помещения.

Лера с тревогой переглянулась со стоявшей за спиной отца притихшей Милен, с такой силой сжимавшей подол своей куртки, что у девушки побелели костяшки. Лук, как и прочее оружие, по законам корабля всем пришлось сдать при входе.

Лера прекрасно понимала настроение своей подруги, насмерть поразившей Дана – одного из людей Императора, – стрелой, ведь следующей после Линя на скамье подсудимых могла оказаться она.

Но ведь Милен спасала ее. Хотя в той суматохе, вызванной подрывом Хранилища Судного Дня и стычкой с людьми Линя, невозможно было найти свидетелей. Там некогда было разбираться, кто прав, а кто виноват. Каждый преследовал свою цель, отстаивал свои идеалы.

Однако это и не самооборона. Как ни крути, по всему выходило, что Милен оказалась виновна в смерти человека, который не являлся ее противником, так как сосредоточил свое внимание на том, чтобы убить Леру.

Как эта ситуация до боли напоминала ту, произошедшую на «Грозном», когда Лера насмерть поразила австралийского головореза, чтобы спасти Батона от верной смерти! Стоявшая между охотником и Мигелем девушка прекрасно понимала, какая буря сейчас кипела внутри Милен.

– Отклоняется, – перевел слова Императора Яков, снова взявший на себя обязанность переводчика. – Судьбу Линь Има я буду решать сам.

– Но позвольте, – не хотел успокаиваться Турнотур, – это вы принесли в наши земли разруху и разрушения!

– Точнее, привезли их на нашей лодке, – хмуро пробормотал Тарас.

– А почему это вы здесь всем распоряжаетесь? – крепче стиснув свой посох, поинтересовался Семиброк. – Вы на нашей земле, и я здесь правитель.

– Сейчас вы находитесь на «Черном драконе», и это моя территория. «Черный дракон» и его обитатели не несут ответственности за свершившееся, – Император был непреклонен.

– Но Линь Им ваш сын, – подала голос стоявшая рядом с запоздало шикнувшим Батоном Лера.

– Да, сын. И вина за содеянное полностью лежит на его плечах и людях, последовавших за ним. Но решать их судьбу буду я сам, – повторил Император.

– Если он ваш сын, нельзя отрицать вашу причастность к случившемуся, – не унимался Турнотур. – Откуда нам знать, что вы не принимали участия в заговоре?

– На моем судне поднялся бунт, – угрюмо проговорил Тарас. – Не это ли входило в ваши конечные планы?

– Нет. Мое предложение касательно вашей подлодки и исследования разрушенного мира по-прежнему в силе. А что касается заговора... Моего слова будет достаточно.

– Нам этого мало, – вступил Семиброк. – С ресурсами Хранилища, пусть и не до конца освоенными, у нас оставался хоть какой-то шанс на безголодное существование. А теперь... Что теперь будет с нашей землей? Все разрушено. А хлеб? Чем прикажете засеивать наши поля?

– У вас должен быть резервный запас семян, – резонно заметил Яков.

– Запас есть, но голода все равно не избежать! На дворе зима.

– В качестве компенсации за причиненный ущерб мы поможем выжившим с островов восполнить ущерб, нанесенный подрывом Хранилища Судного Дня, – помолчав, принял решение Император. – Мы выделим некоторый запас семян и других злаковых культур, а также топливо для техники.

– Наша техника работает на пару. Мы сами выращиваем для нее древесину. Думаете откупиться? – не сдавался Турнотур. – Не все так просто, мы требуем суда!

– Да, суда! – подхватил кто-то из фарерских старейшин.

– Изгнать его в леса к *леши*м!

– Изгнать его!

– Он по праву является нашим пленником, – вклинился Тарас. – Мы хотим обменять его на свободу лодки!

– Тихо! – Император, не выдержав, треснул кулаком по подлокотнику своего кресла. – На ваших руках тоже кровь одного из моих людей!

Лера с тревогой перехватила мстительный взгляд Линь Има, брошенный на Милен.

– Кровь одного не стоит жизней всех живущих на островах, – попытался заступиться за дочку Турнотур.

– Но факт остается фактом, – покрутил ус Император. – Убийство совершено, и нам тоже есть что вам предъявить. Насколько мне известно, ни один из ваших людей не погиб при стычке.

– Не погиб, – вздохнул Турнотур и посмотрел на стоявшую рядом Милен. – Но есть тяжелораненые. Много раненых.

– Что вы скажете на это?

– Я только защищала свою подругу, – коротко переглянувшись с Лерой, девушка шагнула вперед с высоко поднятой головой. – Это была вынужденная мера, и я готова понести наказание.

– Смело. Ты еще очень юна, дитя мое.

– Что с того? – Милен выдержала взгляд Императора. – Меня вынудили пролить кровь.

– Кто же?

– Один из головорезов вашего сына.

– И что же он сделал?

– Напал на того, кто слабее.

– Но не на тебя, – заметил Император.

– Нет, – поникла Милен. – Не на меня.

– Понимание сути без размышлений – мой меч! – покачал головой Ким Им Су. – Быстрые решения присущи юности, и в то же время ты воин. Стоит ли винить тебя?

– Вам решать, – ответила Милен.

– Дан был телохранителем и правой рукой моего сына. Ему не было равных ни в силе, ни в искусности владения мечом. Но он пал от руки девушки, атаковавшей его со спины. Смерть, недостойная воина.

– Он пал в бою, – возразила Милен. – Я не знаю ваших кодексов и действовала согласно своим.

– Но он не нападал на тебя, – снова повторил Император.

– Нет, – твердо ответила Милен и, помолчав, добавила: – Что теперь со мной будет?

Ким Им Су на некоторое время погрузился в свои мысли.

– Кого ты защищала?

– Ее, – Милен указала на подругу, и по спине Леры пробежали мурашки.

– Выйди.

– Лера, – напрягся Мигель.

Девушка послушно шагнула вперед из группы заволновавшихся моряков. Император некоторое время внимательно изучал ее.

– Ну, и что ты думаешь?

– О чем? – растерялась ответчица.

– Она не виновата! – вклинился Мигель.

– Молчать! Твоя жизнь в обмен на чужую, – Ким Им Су прищурился и снова потеревил ус. – Теперь за тобой неоплатный долг.

– Да, – Лера посмотрела на Якова. – Знаю.

– Сможешь ли ты оплатить его?

– Не знаю...

– Ты понимаешь, что чувствует твоя спасительница? – продолжал спрашивать Император.

Стоявшая перед собранием Лера почувствовала, как к горлу подкатывает удушливый ком.

Дядя Миша-а-а...

– Да, – вздохнула она, опустив голову. – Однажды я застрелила человека, чтобы спасти того, кто был мне дорог...

– И что сейчас внутри тебя?

– Пустота, – колебавшись, прошептала Лера.

– Не это ли есть самое страшное наказание? – заметил Император.

– А что мне было еще делать? – вскинулась Лера, чувствуя, как к глазам подступают слезы. – Вы же не знаете... Вы же ничего не знаете!

Ким Им Су молча смотрел на нее.

– Вот она, плата, – наконец тихо сказал он. – Плата за смерть другого существа будет грузом висеть на вас до конца ваших жизней. Я все сказал. Вопрос об убийстве Дана снят. Займите свои места.

Всхлипнув, Лера вернулась к морякам и встала между Мигелем и Батоном.

– А почему это подсудимые до сих пор молчат? – желая вывести спор из опасного русла, снова заговорил Семиброк. – Неужели после всего содеянного им нечего больше сказать?

– Я не подсудимый! – воскликнул Яков. – Я лишь действовал по выданным мне Императором приказаниям!

– Предатель! – выкрикнул Линь Им.

– Нет! Я способствовал общей идее, не более. Я не хотел уничтожать Хранилище, поэтому тебе и держать за него ответ!

– Да, пусть скажет! – с новой силой заволновалось собрание.

– Ну же, говори!

Взоры всех собравшихся устремились на стоявшего посередине корейца. Молчание затянулось. Отец и сын буравили друг друга взглядами.

– Эти люди ждут твоего ответа, – прервал паузу Ким Им Су.

Связанный Линь Им высокомерно оглядел собрание.

– Помни, сын, если в битве воину случится проиграть бой и он должен будет сложить голову, ему следует гордо назвать свое имя и умереть с улыбкой без унижительной поспешности. Мне горько это говорить, но ты должен будешь понести наказание за содеянное.

– Я знаю, отец.

– Говори. Почему ты пошел против меня и моих убеждений.

– Я действовал во благо, – упрямо тряхнув головой, ответил Линь Им. – Все, что произошло на нашей планете, случилось по вине белой расы. Они развязали войну из-за своей алчности и агрессивности. Посмотри на них! Они вымирают, но по-прежнему лелеют надежду на воскрешение мира.

– Но разве не этого хотим мы все? – удивился Император.

– Ты строил «Дракона», чтобы сохранить осколки нашего народа, – Линь Им хотел сделать жест рукой, но связанные за спиной запястья не позволили ему этого. – И посмотри, во что он превратился. Плавающий притон для всякого сброда, который ты подбираешь по всей земле.

– Благо всего человечества! – отрезал Ким Им Су.

– Благо, – кивнул Линь Им. – Только вернув все назад, эти люди развяжут новые войны, чтобы подмять под себя остальных. Ты слышал о смерти Дана. Посмотри на них, они убийцы, какими и были двадцать лет назад.

– Неправда! – горячо возразила Лера, но Император жестом остановил ее.

– Узнав о Хранилище, ты должен был незамедлительно связаться со мной, – повысил голос Ким Им Су. – Это была величайшая находка нового мира, наше наследие, завещанное предками. Сколько их осталось по всей земле? Теперь этот алмаз утрачен.

При этих словах Лера поежилась, ведь маленький контейнер с неизвестным содержимым, который она успела вынести из Хранилища, по-прежнему лежал у нее в кармане куртки. Хорошо, что их не стали обыскивать.

– Мы вынесли оттуда необходимые образцы, оставленные нашим народом, – возразил Линь Им. – Остальное навеки замуровано в грунте. Никто теперь не сможет добраться туда.

– Там были образцы генофонда, – подал голос Батон. – Человеческого генофонда...

– Что с того, – пожал плечами Линь Им. – Что бы вы стали с ними делать без специальной техники и средств? Это всего лишь призрак, химера ушедшего мира. Пустые надежды, не более того. Мы – не только находящиеся здесь, но и те, кто ютится в убежищах по всей планете, – то, что осталось от человечества. «Дракон» уникален, и на нем начинается новая раса людей. Ему нет равных в нынешнем пекле. Поэтому мы должны пресекать любые попытки пойти нам наперекор. Разве я не прав, отец?

– «Дракон» построен для блага, – покачал головой Император. – Для блага всего человечества, а не насаждения нового режима и деспотии. Ты пошел против этого правила, а значит – против меня, сын. Что я должен предпринять?

– Твое решение, отец.

– Это тяжелый выбор, но я не могу простить тебя, – вздохнул Император. – Хоть ты и мой единственный сын. Я думал однажды передать тебе правление «Драконом», но сейчас вижу, что ты употребил бы его во зло. Говоря о деспотии белых, ты сам уподобляешься разрушителю, неужели ты не видишь этого сам?

– Ты слишком увлечен своими идеями! – воскликнул Линь Им. – Ты не видишь очевидного. В твоих руках величайшее оружие, которому нет равных на планете. Пойми, все эти законсервированные склады по всему миру по праву принадлежат нам, ибо мы можем до них добраться. Мы должны возродить нашу расу, у нас для этого все есть. Будущее, которое нам завещали, теперь наше настоящее!

– Не о таком настоящем я мечтал, Линь Им, – медленно проговорил Император. – Благо всего человечества – не просто девиз. Это сама суть, моя миссия. Она не приемлет разрушения. Мы и так уже уничтожили все, что только возможно. Я не деспот, я действительно хочу помочь.

– Ты не слышишь меня, отец...

– Так или иначе, ответственность за содеянное полностью лежит на тебе, – прервал его Император и выпрямился, встав с трона. – Я должен принять решение! Оно горько, но таковы правила. Ты виноват перед этими людьми, и я передаю твою жизнь в их руки! С твоими сообщниками мы разберемся сами, по законам нашей крепости.

– Да будет так, – внимательно вслушивавшийся в перевод Семиброк стукнул посохом.

– Я принимаю твоё решение отец, – склонив голову, тихо проговорил Линь Им.

– Властью, данной мне Фарерским сообществом, я приговариваю тебя к изгнанию в леса! – оглядев старейшин, громко провозгласил Семиброк. – Теперь пусть духи леса решают твою судьбу!

– К *лешим* его! – воскликнул кто-то из свиты правителя островов.

– К *лешим*! – подхватили другие.

Телохранители Семиброка окружили Линь Има и вывели приговоренного из тронного зала.

Лера переглянулась с Милен, та украдкой кивнула.

– Постойте, – Тарас жестом привлек внимание снова севшего Императора. – А что с нами? Я и команда хотим это знать.

Порядком подуставший Яков перевел.

– Насчет вас я еще не принял решения, – утомленным голосом ответил Им Су. – У вас есть предложения?

– Нам нужно вернуться домой, – Тарас оглядел соратников. – И как можно скорее. От этого зависят жизни многих людей. Это наш долг.

– Долг, – задумчиво повторил Император. – Я должен это обдумать. Не сейчас.

– Но время уходит... Медлить нельзя!

– Моя сила – в моем упорстве, Учивость к учителям – единственное тепло во мне, Моя власть – это я сам, Железо – мое тело, Мое решение – это мой закон!

Продекламировав это, Император сделал короткий жест, означающий, что собрание окончено. Все находящиеся в помещении, включая недовольных моряков, были вынуждены покинуть тронный зал.

Оставшись в одиночестве, Ким Им Су ссутулился на троне и с грустью посмотрел на свой лежавший на подлокотнике кресла шлем-маску.

Он помнил, с каким нетерпением они с женой ждали первенца. Это должно было случиться весной. В ту пору, когда ветер становился теплее и начинал пахнуть по-особенному, а деревья распускались миллионами благоухающих цветов.

Прекрасное время. Сеул преображался. Улицы наполнялись людьми, гуляющими всю ночь напролет. Зима отступала, и в воздухе разливалось предчувствие лета.

В то время Ким Им Су только-только стал наследником великой торговой империи своего отца, а «Черный дракон» был всего лишь чертежами, тщательно прорабатываемыми в засекреченном конструкторском бюро. Тогда еще никто не знал, какой великой цели послужит этот корабль. Никто не думал о войне. Хотя обстановка в мире становилась все напряженнее.

Мир. Погруженный в раздумья Император потерев седой ус. Сколько же всего им довелось утратить в тот решающий и трагичный миг. Привычные ценности рухнули, уступив место скорби и отчаянию, которым не было видно конца. Детям, родившимся после войны, повезло больше, они не помнили мира До. Им просто не с чем было сравнить.

Сын появился под утро. Его нарекли Линь Имом. Вопреки своему желанию присутствовать рядом с женой в этот торжественный миг, Им Су был вынужден находиться в КБ, где готовились к отправке на верфи законченные чертежи «Дракона». Он возлагал большие надежды на этот проект. Танкер-гигант не имел аналогов в мире и должен был послужить символом могущества корпорации Им Су.

Некоторые говорили, что Линь Им похож на отца, хотя по грудничку было еще трудно судить. Есть поговорка: чужие дети быстро растут. Им Су казалось, будто сын растет не по дням, а по часам. Или так происходило оттого, что будущий Император проводил на работе времени больше, чем с семьей, как бы ни старался вырваться. Бизнес могучей корпорации требовал отдачи всех сил и внимания, поэтому воспитанием отпрыска целиком занималась жена Баожей с целым штатом слуг и гувернанток.

Им Су мысленно спросил себя, достаточно ли внимания он уделял сыну, пока тот рос. Не так много, как хотелось бы. Он был вынужден признать это. Не это ли впоследствии и послужило прелюдией к разладу между ним и Линь Имом? С другой стороны, юноше не на что было жаловаться. Он рос, окруженный заботой и вниманием, с малых лет имел, что хотел, но при этом не казался избалованным. Ходил в престижную школу и, по отзывам педагогов, был усидчивым и общительным.

В момент, когда ядерный Молох охватил планету, Линь Иму исполнилось десять. Накануне его дня рождения назревало еще одно немаловажное событие: «Черный дракон» готовился сойти со стапелей. Чтобы в очередной раз не подвести сына, Им Су решил совместить оба празднования и взял мальчика с собой на борт танкера, готовящегося совершить пробное плавание. Жену, которая в тот день осталась на берегу, он так больше и не увидел. Прошлому миру в одночасье пришел конец. Оказавшееся в море судно было обречено на скитания. Император связался с некоторыми кораблями из своей торговой империи, оказавшимися поблизости. С этих кораблей собрали все грузы, слили все топливо, и по счастливой случайности попался один из сухогрузов, который вез в одну из африканских стран гуманитарные грузы под эгидой ООН. Там были палатки, еда, лекарства, генераторы, одеяла... Для начала этого было достаточно. А дальше приноровились добывать пропитание и все необходимое собственными силами.

Да, много воды утекло. Император вздохнул. Сын рос под присмотром отца в новых условиях. В жестоких условиях нового мира он освоил военную грамоту, научился владеть оружием и вскоре стал правой рукой отца, провозгласившего танкер новым замкнутым государством со своими законами и порядками. Члены совета директоров корпорации, бывшие на борту, образовали Совет, приближенный к Императору, которым спустя какое-то время после войны объявил себя Ким Им Су.

До определенного момента все шло хорошо. Плавучее государство путешествовало по руинам мира, отвечая на сигналы бедствия и подбирая выживших по всей земле. Община разрасталась, становясь интернациональной.

Но в какой момент они с сыном стали отдаляться друг от друга? Что послужило тому причиной? Император не мог отыскать ответа. Вот чем все закончилось – изгнанием Линь Има в чужие земли. Он обрек его на верную смерть. Сможет ли он когда-нибудь простить себя? Смириться и жить с принятым решением?

– Прости меня, Баожей, – тихо проговорил он. – Прости за сына. Я знаю, что не достоин прощения. Но иначе поступить не могу, ты бы меня поняла. Я не могу ему позволить разрушить все то, что я с таким трудом создал. В конце концов, наш мир уже давным-давно не тот. Линь Им сам выбрал свою судьбу. Кто мы все теперь, как не призраки.

Никто не видел, как в полумраке зала по щеке Великого Императора скатилась и высохла слеза.

* * *

Линь Има изгнали в тот же день. Старейшины, вернувшись на берег и снова посоветовавшись, решили не откладывать исполнение приговора в долгий ящик.

«Черный дракон» и «Иван Грозный», снявшись с места, переплыли расстояние, разделявшее Свальборг до острова Суворой, на котором обитали жители «Братства пара».

Погода, хмурившаяся с полудня, вконец испортилась, и теперь на землю оседала морось, к которой примешивались первые снежные хлопья. Все собрались возле струганого частокола, за которым тянулось небольшое поле, усаженное не до конца убраным тростником-сухостоем. Его по-прежнему охраняло поникшее на шесте-крестовине огородное пугало в облезлом ватнике и противогазе с выбитыми стеклами, с нахлобученной соломенной шляпой. Далее начинался лес, плотной стеной возвышавшийся над деревней.

– Не повезло пацану, – цыкнул зубом Треска. – Нежить в этих чащобах его точно достанет, помяни мое слово, чувак.

– Ну, сам виноват. Это еще мягкое наказание за то, что он сделал, – поежился стоявший рядом с ним Паштет. – Я в эти заросли точно уж больше ни ногой.

– Но у меня же получилось, – заметила Лера.

– Навык, – пожал плечами Треска. – Тебя Батон вон сколько лет натаскивал.

– А он солдат.

– И что с того? Факел рано или поздно потухнет, погода – сплошное дерьмо.

– Огонь можно поддерживать...

– Слушай, ты на чьей стороне, нашей или его? – возмутился Паштет. – И вообще, тихо, дай посмотреть.

Линь Иму, которого телохранители Семиброка тем временем вывели вперед, развязали руки и сунули еще не запаленный факел.

– Слово правителю! – громко провозгласил Турнотур.

Собравшаяся толпа притихла. Линь Им тщетно пытался выискать среди незнакомых лиц одно-единственное.

Великий Император не пришел, пожелав остаться на танкере.

– За причиненный ущерб нашему народу, – громко начал Семиброк, – и диверсию, вероломно учиненную на нашей земле в Хранилище Судного Дня, по законам братства ты приговариваешься к изгнанию в Северные леса.

Линь Им, полуобернувшись, молча слушал выступающего. Яков, то и дело стирая с лица наметаемый с неба снег, переводил.

– Ты чужак. Но на нашей земле наши правила. Твой народ отказался от тебя.

– Что мне делать? – шурясь от ветра, хрипло спросил Линь Им.

– Иди, – поднял руку Семиброк. – Иди и не возвращайся! *Лешие* решат твою судьбу.

Задрав голову, Линь Им оглядел возвышавшиеся над ним шумящие кроны деревьев.

– Дайте мне оружие.

– Оружие? – удивился Турнотур.

– Да, оружие, – повысив голос, потребовал кореец, сделав шаг в сторону людей.

– Не положено, – воинственно перехватив посох, отрезал Семиброк и указал на черный бронированный костюм корейца. – Все, что мы можем – это оставить тебе твою одежду.

– Ну, хоть что-нибудь, – голос изгнанника дрогнул. – Пистолет, топор... нож, наконец.

– Нет.

– Вы же не даете мне ни единого шанса!

– Как и ты нам не дал, – резонно заметил правитель. – Не так ли? Запалите ему факел! Пока огонь горит, твоей жизни ничего не угрожает и, может быть, к утру ты успеешь выйти из лесов с другой стороны. Хотя вероятность этого ничтожно мала. В этих краях никто не придет тебе на помощь.

Один из телохранителей Семиброка приблизился и поджег намотанную на палку тряпицу.

– Теперь иди, – бросил Турнотур.

Перехватив древко факела, Линь Им еще раз оглядел собравшихся на поляне людей и, больше не оборачиваясь, пошел в сторону леса. Вскоре свет от мятущегося на конце палки пламени скрылся среди деревьев.

– А если он вернется? – посмотрев на молчаливую чащу, спросил Турнотур.

– Не вернется, – покачал головой Семиброк. – *Лешие* не отпустят его.

По жесту правителя один из телохранителей сделал знак собравшимся расходиться. Лера и Милен задержались и еще некоторое время смотрели на волнующиеся над их головами кроны деревьев.

– Пойдем, – Милен тронула подругу за плечо. – В моем доме есть свободная комната.

– Но я думала, что должна идти с остальными, – заколебалась Лера.

– Почему?

– Они моя команда. Друзья.

– Они мужчины, – Милен подчеркнуто выделила последнее слово. – Там нет кают, как на лодке, а одна большая комната. У нас так не принято. Думаешь, тебе там будет удобно?

– Не знаю.

– Я дам тебе отдельные покои и настоящую кровать, – продолжала уговаривать Милен. – Когда ты последний раз спала на нормальной постели?

– Давно, – вспомнив родной Пионерск, согласилась Лера. – А... я не помешаю?

– Родители всегда рады гостям, – Милен взяла ее за руку. – Особенно тебе, после всего, что случилось. Так что перестань забивать себе голову. Идем.

На острова медленно опускалась ночная мгла. Моряков с «Грозного» расквартировали в одном общем доме, в то время как корейская часть команды предпочла вернуться на танкер. После небольшого совещания Тарас принял решение провести ночь на берегу. Вахтенного не выставляли – на лодку все равно некому было покушаться, кроме людей Императора.

Попрощавшись с Мигелем, Лера отправилась в жилище Милен. И если ей и хотелось остаться вместе со священником, то она решила отложить это желание до той поры, пока не поговорит об этом с Батоном. Сейчас старый охотник мог опять вспылить и наговорить лишнего.

После короткого ужина, забравшись в отведенную для нее постель, Лера еще долго не могла заснуть, вспоминая события прошедшего дня. Что станет теперь с Линем? Справедливы ли приговор Императора, обрекшего своего сына на верную гибель? А еще Милен, которая чудом избежала наказания за убийство...

Наблюдая за Чучундрой, игравшей на прикроватном столике с катушкой ниток, Лера изредка прислушивалась, словно желала услышать отдаленный крик.

Но фарерская ночь безмолвствовала. Потянувшись, девушка достала из кармана куртки Тахомы заветный контейнер, который принесла из Хранилища. Что же там внутри?

Открывать не решалась. Да и зачем это было делать сейчас? В очередной раз повертев предмет в руках при тусклом освещении прикроватного ночника, она прочитала таинственную надпись на боку контейнера. «Calla Lily. Zantedeschia aethiopica». Что бы это могло означать, девушка не представляла. Но наверняка что-то прекрасное. Что-то из того, навсегда исчезнувшего мира, который они столькими тщетными усилиями пытались вернуть. Иначе и быть не могло.

В дверь постучали, и Лера поспешила спрятать находку обратно в карман куртки, которую засунула под кровать.

– Еще не спишь? – Милен чуть приотворила дверь. – Можно?

– Зачем спрашивать, ты же у себя дома, – удивилась Лера. – Входи, конечно.

– И мне не спится, – пересекши небольшую комнату, Милен присела на край Лериной кровати. – Все из головы не идет сегодняшний суд.

– У меня тоже...

– Почему Император позволил так поступить со своим сыном?

– Не знаю, – Лера пожала плечами. – В конце концов, он же пошел против него. Уничтожил ваше Хранилище.

– Знаю, – кивнула Милен. – Но изгнание... Почему нельзя было взять под арест и отправить в тюрьму, как остальных сообщников? Как думаешь, на том корабле есть тюрьма?

– Наверное, – предположила Лера.

– И ведь в одну из них могли посадить и меня, – посмотрев вниз, Милен потертила подол своей ночной сорочки. – Или изгнать в леса, хотя отец никогда бы этого не допустил. Но все-таки... Я же убила одного из людей Императора.

Только после этих слов Лера окончательно поняла, что на самом деле терзает девушку. Она сама через это прошла.

Чужая кровь.

Но помочь она здесь ничем уже не могла. Только успокоить.

– Послушай, – сев на кровати, Лера обняла подругу за плечи. – Что случилось, то случилось. Ты действовала согласно обстановке и спасла мне жизнь. Как я теперь могу оплатить такой долг? Я знаю, что у тебя на душе. Но это не удастся отпустить, как бы ты ни старалась. Как бы ни было тяжело. Поверь, я сама на такое пошла ради близкого человека... Жалею ли сейчас об этом? Уже не знаю...

Милен опустила голову, отчего длинная прядка распущенных волос закрыла ее лицо, и тихонько всхлипнула.

– Император сказал, что я и так уже наказана за содеянное. Как мне с этим жить?

– Держись, – продолжала утешать Лера. – Это наш мир с его жестокими законами. И на самом деле здесь давно уже каждый сам за себя.

– Почему наши предки все уничтожили?

Сколько раз Лера задавала сама себе этот вопрос! И никто в целом заброшенном на все эти годы пепелище не мог дать ей на это ответа. Тщетный, дурацкий, страшный. Не вызывающий ничего кроме тупой боли вопрос.

– Не знаю, – вздохнула она. – Думаю, они и сами не ответили бы.

– А это не повторится? – Милен подняла на подругу влажные глаза.

– Конечно же, не повторится, – тихо ответила Лера и погладила девушку по голове. – Ради чего? Если и так уже все разрушено.

– А разве ваша лодка не оружие?

– Да толку теперь от нее, – улыбнулась Лера. – Ракет-то давным-давно уже не осталось. Только реактор и ценен. Он помогает поддерживать жизнь в нашем Убежище.

– Вам нужно плыть домой, – Милен подняла с пола катушку, сброшенную со столика Чучундрой.

– Да, нужно, – согласилась Лера.

– Может, останешься? – с надеждой спросила Милен. – Оставайтесь вместе с Мигелем. Чем у нас тут не жизнь?

– Я бы осталась, – призналась Лера, – но это не мой дом. Мой дом далеко отсюда. И меня там ждут. Надеюсь, что ждут.

– А можно поплыть вместе с вами?

– Зачем это тебе? – Лера снова ласково погладила подругу. – Условия, в которых мы существуем... выживаем... далеки от ваших. У нас в окрестностях фон. Мутанты. Вашей относительно чистой земле можно только позавидовать. Да и родители, твои родители, конечно же, не отпустят тебя.

– У нас мутанты тоже есть, – возразила Милен. – А я взяла бы с собой Олафа. У нас с ним послезавтра свадьба.

– Ух ты, – удивилась Лера. – А почему ты мне раньше не сказала?

– Я боюсь, – датчанка шмыгнула носом.

– Не стоит, ты чего, – Лера обняла ее. – Поздравляю! Я буду лучшей подружкой невесты.

– Правда?

– Обещаю.

– Что-то с нами будет, – вздохнула Милен. – Отец уже подыскал нам дом. Это на другом конце деревни.

– Все будет хорошо, – попыталась ободрить Лера. – Вам не приходится бояться болезней. Умирать от облучения и повышенной дозы радиации. Это страшно, поверь. С этим приходится жить. Тут у вас совершенно другая обстановка. Ты выйдешь замуж, у тебя будет семья. Радуйся. А как он сделал тебе предложение?

– Мы вместе выросли. Может, родители с Фредрикссонами давно решили все за нас. Но он мне нравится, честно. Это было красиво. Мы ходили в медузью бухту, – негромко проговорила Милен и, посмотрев на подругу, жалобно моргнула. – Значит, мы больше никогда не увидимся...

– Кто знает, – Лера взяла на руки мышь. – Как говорят у нас на борту, ветер еще может перемениться. В этом мире все может произойти.

– По крайней мере, вы уплывете не завтра, – с уверенностью кивнула Милен. – Папа вас всех пригласит на наше торжество. Вы увидите старинный обряд, это интересно.

– Мы обязательно будем. А касательно отплытия, все зависит от Императора, – Лера мысленно отметила, что этот титул стал вызывать у нее раздражение. – Без его людей нам не добраться.

– Они останутся жить в вашем Убежище?

– Наверное. В любом случае у Императора в руках такой корабль, который со временем сможет доплыть до нас и подобрать команду.

– Верно, – Милен немного помолчала и посмотрела в царящую за ставнями окна непроглядную мглу. – Интересно, как он там.

– Кто?

– Линь Им. *Лешие* уже вышли охотиться.

– Что бы с ним ни было, я ему не завидую.

– Без специальной сноровки в лесах не выжить. Правда, однажды был случай, когда изгнанному удалось уцелеть и перебраться на другой остров.

– Как? – удивилась Лера. – Он сбежал из лесов и украл лодку?

– Нет. На нашем архипелаге существуют подземные тоннели, соединяющие деревни. Раньше люди передвигались по ним на самоходных повозках, которые отец называет автомобилями.

Лера кивнула. Она видела их останки на улицах Пионерска.

– Такой где-то есть и здесь. Многие тоннели давно заброшены, но изгнаннику каким-то образом удалось найти один из них и спастись. Хотя по законам братства компаса преступнику не выдают. Он прошел шесть километров под морем и выбрался с другой стороны, представляешь?

– И что с ним стало потом?

– Никто не знает, как оно там, под землей. Но когда изгнанник вышел на поверхность с другой стороны, он был безумен и что-то шептал на непонятном языке, – понизив голос, поведала Милен. – Неизвестно, что он встретил в тоннеле, но оно свело его с ума. В здешних краях есть еще одно подобное место – гора Слаттаратиндур. Говорят, кто на нее поднимается, больше никогда не будет прежним.

– А если Линь найдет этот ход?

– Вряд ли. Это случилось очень давно, я была совсем маленькой. А природа с каждым годом меняется все сильнее. Не думаю, что ему так же повезет. Да и можно ли считать это везением? Так, только отсрочка... Линь Им обречен. И лично я считаю, что он получил по заслугам, – вздохнув, Милен решительно встала с Лериной кровати. – Ладно, уже поздно. Пора спать. Но пока вы здесь, я постараюсь показать тебе как можно больше всего интересного.

– Например?

– Ты когда-нибудь плавала под водой?

– Только на «Грозном», – растерялась Лера.

– Завтра мы идем вылавливать ракушки и морских ежей... Я возьму тебя с собой, – приоткрыв дверь, пообещала Милен.

– Ты умеешь плавать? – с ноткой зависти удивилась Лера, открыв для себя новое качество боевой подруги.

– Скорее ходить по дну, – ухмыльнулась Милен. – Для этого у нас есть специальное оборудование. А ты разве не умеешь? Я думала, все моряки должны уметь.

– Ну, я ведь не совсем моряк, – Лера вспомнила несколько уроков, которые ей давали в Убежище, как держаться на воде и как правильно нырять с маской. Но там она была в безопасности и не в открытом море. – К тому же у нас вода местами фонит, за исключением небольшого бассейна внутри. Вряд ли из меня выйдет хороший помощник. Может, возьмете кого-нибудь другого?

– У нас и так достаточно людей. Не бойся. Я все тебе покажу, это не так уж и страшно, – приободрила девушку Милен. – Главное, приноровиться, а ракушки с ежами водятся и на мелководье. К тому же с нами будет Олаф, а он лучший рыбак в нашей деревне.

– А это не опасно? – насторожилась Лера, во второй раз услышав незнакомое ей слово «еж». Может, это была какая-то разновидность мутантов, еще не известная ей? – Разве они не ядовиты?

– Нет, – улыбнулась Милен. – Если надеть толстые защитные перчатки, бояться их укулов нечего, хотя они бывают достаточно болезненными. Папа говорит, что воды, омывающие наши острова, когда-то считались самыми чистыми в мире. Да и температура подходящая, плюс семь градусов.

– А снаряжение? – Лера не хотела, чтобы Милен думала, будто она боится, но внутренняя тревога все-таки появилась. Отпустят ли ее дядя Миша и Мигель? И стоит ли вообще их об этом спрашивать?

– С ним есть определенные проблемы, но мы справляемся, – Милен посмотрела на картину Самала Йоенсена-Микинеса, висевшую над кроватью Леры и изображавшую китобойный промысел. – Завтра все покажу.

– Понятно. Тогда до завтра.

– Спокойной ночи, – пожелала Милен.

– И тебе спокойной ночи, – отозвалась Лера, забралась под одеяло и задула ночник.

Но все равно, лежа в крошечной тьме, она еще долго не могла заснуть, прислушиваясь к царившей за стенами ночи и вспоминая собственное пребывание в Фарерском лесу, а также обдумывая предложение Милен насчет завтрашней подводной охоты. Еще ее подруга выходила замуж. Здорово. Лера задумалась. А способна ли она сама примерить на себя роль жены? В конце концов, ее время уже подходило. Память услужливо подсунула образ Мигеля. Интересно, он был бы хорошим мужем? Лера пока не готова была заглядывать так далеко.

А когда она, наконец, заснула, воображение причудливо рисовало ей фантастические картины морских глубин, которых Лера никогда не видела.

* * *

Говори. Почему ты пошел против меня и моих убеждений?

Лес обступил бегущего Линь Има со всех сторон. Сколько он уже пробирался между деревьями, кореец не знал. Куда направлялся, тоже. Все его внимание было сосредоточено на пламени факела, который он крепко держал в руке.

Я действовал во благо!

Темнота вокруг сгущалась по мере того, как беглец все дальше углублялся в чащобу. Ориентиром служила лишь узенькая тропинка, лентой вившаяся у него под ногами. Куда она приведет его?

Плевать. В любом случае, тропинка – это люди. Выходит, на другом ее конце что-то есть. Главное – не останавливаться.

Голова была пуста. Мысли никак не хотели складываться в единое целое. Линь Им бежал и бежал, и лишь одно не давало ему покоя.

Твое решение, отец.

Это тяжелый выбор, но я не могу простить тебя. Хоть ты и мой единственный сын.

Отец предал его! Что ж, рано или поздно этого следовало ожидать. Старый глупец окончательно пал жертвой своих призрачных идеалов. Немудрено. Его методы слишком гуманны, в новом изменившемся мире нужно было действовать силой. Линь Им тоже верил во благо всего человечества! Но Император не видел этого, не хотел понимать. Или просто был уже слишком стар. Ведь, в конце концов, у него не хватило духу самолично решить судьбу сына и вынести ему вердикт.

Отец никогда не уделял ему должного внимания. Линь вспомнил свою юность. С самого детства, как он начал осознавать себя, с ним занималась мать и гувернантки. Он безумно ее любил, и так и не смог простить отца за то, что в день Великой войны они за ней не вернулись. «Черный дракон» не изменил курса, хотя Линь Им умолял Им Су вернуться домой и попы-

таться спасти Баожей и других, возможно, выживших после ядерного удара. Но нет. Будущий Император сослался на то, что не может подвергать риску уцелевших на корабле.

И его горячо любимая мать осталась где-то там, в объёме радиоактивным пожаром Сеуле. Линь Им был безутешен, однако не посмел идти поперек воли отца. Да и что бы он смог поделать? Заставить гигантское судно развернуться и лечь на обратный курс было не в его силах... Мальчик винил себя в том, что случилось. Ведь это был его день рождения, и мама должна была поехать с ними. Но она сослалась на дурное самочувствие и осталась на берегу.

– Отправляйся с отцом, – так она сказала ему тогда. – Это важно, что в этот миг ты будешь рядом с ним.

Это были последние слова, которые сказала ему мама, поцеловав на прощание и дав в дорогу сверток с его любимыми ттоками – сладкими оладьями из клейкого риса с добавлением орехов и сухофруктов, – которые всегда для него пекла сама. Как Линь любил эти маленькие домашние радости, возвращаясь из школы, откуда его привозил водитель! Он нередко брал оладьи с собой и делился со сверстниками на переменах. Линь Им был воспитанным и общительным мальчиком и не особо выделялся среди ровесников, у многих из которых было все, что только можно было пожелать, благодаря высокопоставленным родителям. Но дети не обращали на это внимания, принимая свое положение как само собой разумеющуюся данность. В их закрытом колледже понятия «средний класс» или «бедность» были не знакомы. Об этом узнавали только по телевизору или из разговоров взрослых. Главные заботы – хорошие отметки и похвала учителей. Мир был прост и ясен. Случилась и робкая первая любовь, о которой, как водится, никому не расскажешь... Но в один день все изменилось. Линь потерял маму, друзей-сверстников, оказавшись отрезанным от земли на борту плавучего гиганта, где его окружали в основном взрослые. Чтобы хоть как-то умирить бушевавшую внутри боль, Линь стал заниматься с одним из телохранителей отца, постигая азы боевых искусств, и вскоре значительно преуспел в своих начинаниях. Надлом, произошедший в момент катастрофы, задал новый вектор развитию мальчика, который стал превращаться в выносливого и уверенного в себе юношу.

Время шло. Им Су провозгласил себя Императором, и Линь с горячностью примкнул к его спасительной миссии, направленной на поиски выживших, ютящихся на пепелище планеты. В сердце юноши горело стремление помогать нуждающимся, чтобы хоть у кого-то оставался шанс сохранить семью и близких, если уж не получилось у него самого.

Дело продвигалось, и танкер постепенно превращался в город-государство. Он процветал. На судне занимались науками, пищевым промыслом, бытовали ремесла, призванные восстанавливать утраченные культуры. Амбициозный судостроительный проект обернулся библейским Ковчегом, и все это произошло на глазах у Линь Има.

Но не все сигналы бедствия, поступавшие на борт, действительно оказывались просьбами о помощи. Попадались среди них и ловушки, хитроумно расставленные кочевниками или мародерами, жаждущими наживы. Но небольшой отряд солдат, сформированный Линь Имом после того, как он окончил обучение военной грамоте, умело нейтрализовывал злоумышленников. Кого-то брали в плен, кого-то оставляли дальше влачить свое жалкое существование в зараженной пустыне.

Сын стал правой рукой отца. Умелой, выносливой, способной отдавать и выполнять приказы. Казалось, ничто не может омрачить этот тандем. Линь со временем даже смирился с прошлым, рана об утрате матери постепенно зарубцевалась и позволила ему снова нормально общаться с отцом. Действительно – время лечит.

Но стычки с агрессивно настроенными выжившими становились все чаще, и Линь постепенно разуверился в правильности действий Императора. Тот старался работать на благо всего человечества, таков был девиз. Но Линь все чаще задумывался над тем, что в новом мире нужно играть по новым правилам. В их руках была неограниченная сила и мощь, которую обес-

печивал «Дракон», и сын неоднократно намекал отцу, что пора применить эту силу, пустить ее в новое русло. Но Император не слушал. Не хотел или попросту игнорировал предложения своего слишком горячего отпрыска. Это вынуждало Линя в бессильной злобе сжимать кулаки.

Даже обнаруженная в Антарктике подлодка не помогла ему переменить взгляды правителя. А ведь с ресурсами «Грозного» они могли стать истинными правителями нового мира! Этот дар сам пришел к ним в руки. И что же сделал отец? Ничего! Опять решил все миром и договорился с командой лодки о сотрудничестве! И чем это все закончилось... Линя предал собственный родитель. Отдал на милость кучке дикарей, которые только и жаждут, что новой крови.

Теперь он изгнанник. Один против всех. И только высшим силам известно, что ждет его впереди.

Иди и не возвращайся! Лешие решат твою судьбу.

Оказавшись на небольшой полянке, Линь Им остановился и перевел дух. Запрокинув голову, посмотрел на далекое, сыпавшее мелким снегом небо, рваными лоскутами пробивавшееся сквозь густые кроны деревьев. Вокруг царил непроглядная северная ночь. Из рта тяжело дышащего мужчины клубами валил пар. Ныло в боку. Лишний вес тяжелого бронекостюма увеличивал нагрузку на мышцы.

Приговорившие его старейшины сказали, что с ним ничего не случится, пока огонь будет гореть. Но откуда стоило ждать опасности? Какого рода? На растерзание кому его отдали?

Линь Им огляделся, вытянув руку с факелом. Сколько он уже преодолел? Как много времени прошло с момента, как он покинул деревню? Час, два, больше?

Нужно было спешить, пока пропитанная горючей смесью тряпка не выгорела окончательно. Линь сделал несколько шагов вперед и остановился. Появившееся несколько минут назад ощущение беспокойства неожиданно усилилось. Он огляделся.

В стороне из темноты выступал массивный вросший в землю камень, густо покрытый мхом, в проплешине которого тускло мерцали непонятные переплетающиеся письмена. Или беглецу только так на миг показалось?..

Что за черт! Линь Им приблизился. В ярком свете факела свечение стало бледнее. Словно сторонилось незнакомого чужака.

Он присмотрелся. Что это такое? Указатель? Какая-то метка? Ничего не разобрать. Куда его направляли? Что означали выдолбленные на камне символы?

Помедлив, Линь протянул руку и дотронулся до камня, почувствовав леденящий кожу холод. Свечение на какое-то мгновение притухло и в следующий миг разгорелось с новой силой.

Кореец отпрянул, снова осмотрелся, внимательно вглядываясь в сомкнувшиеся вокруг поляны узловатые стволы деревьев.

Кругом царило давящее безмолвие, но Линь Им казалось, что за ним наблюдают. Или это сказывалось одиночество? Он замер и прислушался. Тьма между деревьями двигалась, кто-то невнятно шептал... Смотрел на него... Приближался...

Изгнанник вздрогнул: словно в подтверждение его тревоги, окружавшую тишину пронзил громкий заунывный вой. И источник его был совсем не далеко.

Линь Им побежал, не разбирая дороги.

Охота на него началась. Невидимые загонщики играли, уверенно преследуя добычу.

Кореец не останавливался, и казалось, сам лес гнался за ним.

Неожиданно земля расступилась под ногами бегущего, и Линь Им, выронив факел, кубарем покатился вниз по склону неглубокого оврага. Пролетев несколько метров, он рухнул на влажную землю и остался неподвижен.

Когда боль, вызванная падением, стала понемногу отступать, кореец поднял голову и поискал глазами оброненный факел.

Тот лежал в нескольких шагах от него и едва тлел, освещая лишь небольшой участок грунта вокруг себя. Время яркого пламени вышло. Приподнявшись на руках, Линь Им по-пластунски пополз к догоравшему спасительному огоньку. Шуршащий кронами деревьев чужой, незнакомый лес волновался над ним.

Добравшись до факела, Линь протянул руку, чтобы взять его, но тут тьма вокруг него пришла в движение, и кореец с ужасом увидел, как из-за деревьев ему навстречу выступает нечто большое, матово-черное, на две головы выше его. Отделившись от стволов, порождение леса замерло в нескольких шагах от человека, словно разглядывая его.

– Что... вы... такое... – прохрипел кореец.

Создание не ответило.

– Я вас не боюсь! – теряя самообладание от ледяного ужаса, сковавшего все нутро, повысил голос Линь Им, вцепившись в факел и выставив его перед собой.

Пламя дрогнуло. Последнее, что увидел Линь Им за секунду до того, как огонь погас, это черные большие глаза без белков и зрачков, сверху надвигающиеся на него, и вытянутая рука, лежащая на его голову. Будто из ниоткуда зазвучал низкий шипящий голос, словно чудовище заговорило с ним. Голову пронзила сильнейшая боль, и кореец закричал, пытаясь закрыться руками.

Тени обступили его.

Глава 2

Ожидание

«Судовой журнал.

Гренландское море. Фарерские острова.

Время стоянки – ... – ые сутки.

Итак, снова стоим. Надежды, которые мы возлагали на Хранилище Судного Дня, рухнули. Диверсия, устроенная под руководством командира корейского отряда, в результате сильнейшего взрыва навсегда погребла подземный схрон в недрах горы. Вынести из него получилось совсем немного и то только те образцы культур, которые принадлежали Корее и Дании.

Жаль. Все опять полетело к чертям и оказалось напрасно.

Вера во что-то светлое все слабеет... Как и в Антарктике, мы опять привезли разрушения на чужую землю. Как будто и без нас тут не хватает зла. Это похоже на проклятие.

Вчера на борту танкера «Черный дракон» состоялся суд над Линь Имом. Император отрекся от собственного сына и передал его в руки старейшин Фарерских островов. Те же в свою очередь приговорили корейца к изгнанию в леса, населенные какой-то нечистью, которая выползает только ночью. Говорят, это равносильно смертному приговору. Что ж, значит, такова его судьба. В этом драном мире уже давно свои правила.

Император обещал помочь местным с техникой и всем необходимым, чтобы восполнить утрату Хранилища. Пока стоим, будем помогать. Хотя нам нужно торопиться домой, но выделенная в мое распоряжение корейская команда вернулась на танкер. Без них мы не можем двигаться дальше. Все зависит от решения Императора. Но каким оно будет – одному Богу известно.

Остается ждать. Но от этого бессилия на душе еще тяжелее...

Принявший командование судном старший помощник Тарас Лапишов».

* * *

На следующий день обитатели «Черного дракона» приступили к выполнению приказа Императора о помощи населению островов. Ветряные мельницы, электрогенераторы, запасы топлива и инструментов – многочисленные лодки, выстроившись в вереницу, сновали между берегом и танкером несколько часов.

Также Император выделил рабочих, чтобы попробовать разобрать завалы, погребшие под собой вход в Хранилище Судного Дня. Но очень скоро стало очевидно, что если камни, преграждавшие основной вход, можно растащить в стороны, то пробиться сквозь обвал породы в тоннеле без специального оборудования категорически невозможно. Надежду вернуть Хранилище к жизни пришлось оставить.

Хотя Турнотур и помнил про вентиляционную шахту, о которой говорилось на пресс-конференции во время сдачи схрона в эксплуатацию, обнаружить ее в скалистой местности лазутчики пока не смогли. Может, со временем они и смогут попасть внутрь. Время покажет. Сейчас же посвящать чужаков в свои тайны не входило в планы старейшины. Община и так достаточно пострадала.

Пока команда «Дракона» была занята делом, предоставленные сами себе моряки бродили по деревушке, ища, где бы могли пригодиться их руки.

Встав спозаранку, Паштет и Треска запрыгнули в лодку и, сплавав на «Грозный», запаслись рыболовными принадлежностями. Не изменяя своей старой привычке, они решили как следует поудить в чужих краях.

– Знаешь, местные рассказали, какой рыбы тут больше всего, – налегая на весла, Паштет подмигнул возившемуся с удочками Треске.

– Ну и какой же?

– А ты отгадай, – предложил приятель.

– Понятия не имею, чувак.

– Палтуса и... трески!

– И что с того? – пожал плечами толстяк, сделав вид, словно не учуял подвоха.

– Ну как же. Треска плывет за треской! – захохотал Паштет.

– Очень весело, – буркнул напарник.

– По мне так очень.

– Вон, это, похоже, и есть акваферма, – разглядев что-то за спиной Паштета, поднял руку Треска. – Давай-ка подплывем и все как следует рассмотрим.

Они приближались к похожим на сетчатые шатры рыбным клеткам, на равном удалении друг от друга возвышавшимся над поверхностью воды. Как раз в это время рыбаки-водолазы, стоящие наверху, с помощью насосов накачивали в полые центральные стойки-поплавки сжатый воздух, чтобы клетки всплыли на поверхность для последующей очистки от накопившегося улова.

– Зырь, чувак, – при виде кишачей стальными спинами рыбы насторожился Треска. – Это что, палтус?

– Да, похоже, – обернувшись, пригляделся Паштет. – Но такого добра мы тут хрен с тобой наловим.

– Почему это?

– Смотри, они его разводят искусственно. Может, и нам у себя такую же штуку попробовать? – Отложив весла, Паштет достал из куртки тетрадь Птаха и, бережно перелистнув на чистую страницу, вооружился привязанным к корешку грифелем и принялся зарисовывать конструкцию фермы.

– А что, можно, – обрадовался Треска. – Только где ставить будем? Разве что у самого входа в док. В остальных местах фонит достаточно.

– Я знаю, – согласно кивнул Паштет. – Но помани мое слово, что после возвращения мы вряд ли куда-нибудь еще поплывем в скором времени. И так нагулялись достаточно.

– Эй, мужики! – сложив ладони рупором, проорал Треска одному из водолазов. – Где тут такой рыбешкой разжиться можно, а?

Стоявший на вершине поплавок водолаз развел руками и жестом дал понять, что не понимает вопроса.

– Много рыбы-то?

Разговора не получалось.

– Тьфу ты, блин, – выругался Треска, подтягивая к себе поближе ведро с заготовленной наживкой. – Ладно, сами как-нибудь разберемся. Гребь давай, а то у меня уже руки чешутся прощупать здешнее дно.

Лодка с рыбаками развернулась и стала быстро удаляться в сторону от аквафермы.

Лера тоже проснулась ни свет ни заря. Проспав всего несколько часов, она сгорала от нетерпения, что же ей приготовила на сегодня Милен. Жажда новых приключений на некоторое время вытеснила из головы девушки терзавшие ее грустные мысли.

Наскоро позавтракав жареным мясом гринды, Лера накинула куртку и отправилась через деревушку вслед за Милен. Батон и остальные моряки помогали выгружать лодки, курсирующие между берегом и танкером, и Лера решила никого не отвлекать. В конце концов, это ее дело, чем заниматься.

– Много лет назад, еще до войны, – рассказывала Милен подруге, – на одном из наших островов было место, где хранили снаряжение для подводных вылазок. Называлось это «дайвинг». Папа рассказывал, что к нам приезжали люди, которые назывались «туристы»...

– Туристы? – переспросила Лера, услышав незнакомое слово.

– Да. Так назывались люди, которые путешествовали по миру ради отдыха, – объяснила Милен. – У них не было особой цели.

Лера с интересом слушала девушку. Ей было непонятно, как можно путешествовать без какой-то определенной цели. Зачем? Только пустая трата времени и сил. Наверное, ушедший мир действительно был таким красивым и интересным, как ей доводилось слышать. И объехать его было гораздо проще, чем сейчас. Милен тем временем продолжала:

– Так вот, эти туристы, приезжая к нам, надевали специальные костюмы и погружались под воду, чтобы посмотреть на тюленей и затонувшие корабли, – Милен увидела Олафа с группой молодых людей у большого сарая на окраине деревушки. Заметив их, он помахал рукой, и девушки помахали в ответ. – Главной вещью в этих костюмах был специальный прибор – акваланг.

– Акваланг знаю, – кивнула Лера. – У нас на лодке есть такие.

– Ух ты! – восхитилась Милен. – Наверное, вы хорошо за ними следили, раз они сохранились за столько лет! А вот у нас возникли проблемы. Некоторые детали со временем износились, и мы не смогли их как следует заменить. Поэтому пришлось придумывать что-то другое. И здесь нам помогла природа.

Девушки подошли к сараю, и Милен улыбнулась Олафу.

– Она пойдет с нами, – она указала на Леру.

– Хорошо, – парень окинул взглядом фигуру девушки. – Думаю, мы найдем тебе подходящий костюм. С погодой сегодня повезло. Вода плюс семь и видимость десять-пятнадцать метров. Идемте.

Они вошли в сарай, разделенный на несколько помещений. Первое представляло собой небольшой склад, где хранился необходимый для погружения инвентарь. Во второй комнате обустроили раздевалку, в которую девушки вошли первыми. Здесь на скамье уже были сложены костюмы и еще несколько непонятных приспособлений.

– Ну вот, – сказала Милен, после того как закрыла за Лерой дверь. – А теперь раздевайся.

– Раздеваться? – растерялась Лера.

– Да, – Милен взяла стоявшее в углу ведро, до краев наполненное топленым китовым жиром. – Нужно растереться, так тело будет дольше сохранять тепло.

Лера послушно разделась, и Милен быстро натерла ее жиром, зачерпывая из ведра. Потом Лера помогла натереться подруге, и, наконец, настала очередь надеть костюм из прорезиненной ткани, в комплекте к которому шли толстые ботинки с утяжеленной металлической подошвой, грузовой пояс, регулятор, длинный нож, толстые перчатки и необычный шлем с обзорной маской и отверстием с резьбой в районе рта. Полностью одевшись, Лера почувствовала себя неуютно в непривычной плотно облегающей сбруе.

– Под водой мы не сможем общаться, поэтому держись рядом со мной, – застегивая крепления на своем шлеме, объясняла Милен.

– А как же я буду дышать? – спросила Лера.

– Вот, – взяв со скамьи длинный смотанный шланг, Милен подала его девушке. – Вставь один конец в крепление у рта. Второй конец будет все время находиться на поверхности и позволит тебе стабильно получать кислород.

Когда девушки вышли из сарая – передвигаться в тяжелом костюме Лере с непривычки оказалось весьма тяжело, – в него зашли мужчины, Милен подвела Леру к деревянным козлам, на которых были развешаны надутые мешки из непонятного материала.

– Это легкие гринд, – пояснила Милен. – Наша замена утраченным аквалангам. Они служат поплавками и удерживают другой конец трубки на поверхности воды. Трубку вставляем вот сюда, вот так, и завинчиваем до упора. Задохнуться ты не сможешь, так как при достижении большой глубины шланг натянется, и ты поймешь, что дальше опускаться нельзя. Вода шланг не захлестнет, вот эту пластину удерживают поплавки.

– Я буду рядом с тобой.

Сняв с козел пару мешков, между которыми была закреплена небольшая пластина с отверстием посередине, Милен ввинтила в него конец своей трубки. Также она прикрепила к поясу Леры эластичную сетку и объяснила, что это для сбора подводного улова. Экипировку завершала небольшая палка с хватателем на конце, состоящим из двух подвижных сегментов, приводимых в движение путем натяжения лески, закрепленной вдоль ручки по всей длине. Чтобы потренироваться, Лера принялась поднимать с земли небольшие камни.

– Имей в виду, что под водой твои движения будут намного медленнее, так что не суетись и не паникуй.

– Поняла.

– Ну что, готовы? – Одетые в костюмы Олаф и остальные вышли из сарая.

– Да, – из-под шлемов глухо ответили девушки.

– Тогда пошли.

Подводные охотники неторопливо направились к берегу и, достигнув воды, выстроились в шеренгу. Каждый держал в руках легкие гринд с закрепленными в них трубками.

– Сегодня как обычно, – оглядев команду, прогудел Олаф. – Дальше траулера не заходим. Наберем, сколько сможем, и назад.

Лера сквозь стекло шлема посмотрела на водную гладь, где в нескольких десятках метров от берега выступал проржавевший бок затонувшего рыболовецкого судна.

Олаф раздал всем страховочные дозиметры, которые все подвесили на ремни, первый вступил в полосу прибоя и медленно побрел прочь от берега. Остальные последовали за ним. Трое из команды несли большую металлическую сетку, предназначенную для морских ежей.

Лера старалась держаться рядом с Милен, тяжело переступая ботинками, увязавшими в грунте. Накатывающие встречные волны то и дело норовили опрокинуть все дальше заходивших в море людей.

Когда вода стала доставать до пояса, Олаф опустил в нее легкие гринды и стал продвигаться дальше, неторопливо разматывая свой шланг. Все, включая Леру, последовали его примеру. Опустив свои поплавки, она крепко стиснула зубами загубник дыхательной трубки и сделала несколько пробных вдохов. Система работала. Кислород исправно поступал в легкие, хоть и имел привкус рыбы и морской соли.

Смазанная жиром кожа, соприкасаясь с прорезиненной тканью костюма, вызывала неприятные ощущения, но Лера терпела, чувствуя, что, несмотря на эту меру, холод воды снаружи все-таки пробирался под одежду.

Когда волны стали доходить до шеи и с каждым разом все чаще заливать обзорное стекло, девушка встревожилась и подумала, не повернуть ли назад, но шедшая рядом Милен взяла ее за руку, и Лера немного успокоилась.

Наконец толчки волн о стекло сошли на нет, и над головой девушки с шумом сомкнулась морская пучина. Лера была под водой. Видимость действительно оказалась хорошая, хоть с этого расстояния днище затонувшего корабля еще не было видно. Сохраняя дистанцию, водолазы неторопливо продвигались вперед, спускаясь все ниже по плавно уходящему на глубину грунту.

Лера отметила, что костюм ее стал заметно легче и больше не стеснял движений. Поняв, что ничего плохого не происходит, и окончательно успокоившись, девушка стала изучать морское дно, с интересом вертя по сторонам головой, насколько это позволял шлем.

Вокруг было много всевозможных камней и водорослей, спутанным мочалом бесцельно болтавшихся тут и там, влекомых размеренным движением прибоя. Через некоторое время каменистый участок закончился, и под ногами подводных охотников мягкими облачками стала подниматься песочная пыль.

«Как же тут интересно», – идя рядом с Милен, подумала Лера.

Дно плавно опускалось от побережья к морским глубинам. Вскоре чуть отталкивавшее назад движение прибоя окончательно сошло на нет. Идущий первым Олаф отпустил свой шланг и снял с ремня палку для ловли. Увидев это, Лера последовала его примеру.

И действительно – всевозможные ракушки больших и маленьких размеров попадались все чаще. Рыбаки останавливались, подцепляли моллюсков своими палками и складывали в набедренные сетки.

Лера тоже подхватила несколько перламутровых ракушек из тех, что покрупнее – Милен жестами показала ей, какие лучше всего собирать, – и после нескольких неудачных попыток наконец-то смогла положить их в свою сетку. Плотная толща воды сковывала движения, и девушке потребовалось некоторое время, чтобы приноровиться к неуклюжим перчаткам.

Небольшой отряд удалялся от берега, и вскоре стал различим остов траулера, темной массой высившийся впереди и служивший надежным ориентиром. Стали видны и морские ежи, в изобилии покрывавшие дно недалеко от затонувшего корабля. Это оказались небольшие овальные существа с растопыренными во все стороны иглами, длина которых достигала от двадцати пяти до тридцати сантиметров. С виду они не представляли явной опасности, но Лера все равно крепче перехватила свою палку.

Добравшись до ежей, Олаф и остальные стали ловко подцеплять их палками и складывать в большую сетку, которую поставили на дно. Подошедшая к Лере Милен указала на ближайшего к девушке ежа и показала, как правильно его подхватить, просунув металлические скобы своего оружия прямо в середину скопления острых игл.

«А ну-ка...»

Нагнувшись, Лера осторожно подцепила лепившегося к камню крупное иглокожее и положила его в сетку, где уже помещалось несколько ежей. Выпрямившись, девушка с любопытством окинула взглядом остов затонувшего корабля. Название этого большого, когда-то хорошо оснащенного судна уже нельзя было разобрать из-за ржавчины, покрывавшей борта. Какой стране он принадлежал? И сколько рыбы мог вместить за один раз? Тонну, несколько тонн?

Неожиданно рядом с Лерой оказалась Милен, вплотную поднеся к стеклу ее шлема перчатку, в которой был зажат дозиметр. Стрелка прибора двигалась.

– Что это значит? Ежи радиоактивны? – с тревогой спросила Лера, но тут же вспомнила, что подруга не может ее слышать.

Протянув руку к набедренному ремню, она посмотрела на свой дозиметр: стрелка плавно подрагивала на оранжевой зоне. Милен указала на что-то за спиной Леры. Обернувшись, девушка всмотрелась в толщу воды в поисках того, что привлекло внимание подруги. И вдруг среди переливающихся теней она различила одну, которая, как ей показалось, двигалась. Или это обман зрения?

Лера повернулась к Милен и пожалела, что не может говорить из-за шлема и окружающей их водной массы. Выражения лица Милен, частично скрытого обзорным стеклом, было не разобрать, но быстрое движение, в результате которого у подруги в руках оказался нож, оказалось красноречивее всего.

Опасность!

Лера нахмурилась и потянулась к ножам. Инстинкт охотника работал как часы. Но чего следовало ожидать от предстоящей схватки, ведь противник находился в своей стихии, а девушка нет? Способен ли один лишь нож остановить его? Хорошо еще, что Лера была не

одна и в окружении более опытных соратников. Все остальные рыбаки, тоже достав оружие, встали в круг спинами внутрь.

Загадочная тень тем временем приближалась, и вскоре подводные охотники смогли рассмотреть пожаловавшего к ним подводного обитателя. Быстро плывущее существо явно принадлежало к семейству китовых: небольшая, лобастая голова без клюва, маленькие грудные плавники овальной формы, в то время как спинной плавник отсутствовал. Вытянутое продолговатое тело, в длину не менее шести метров, было абсолютно белым.

Водное пространство огласил пронзительный визг, и чудовище, мотнув из стороны в сторону головой, с разинутой пастью ринулось на Милен. Лера отпрянула с его пути, крепче сжимая рукоятку ножа. Милен удалось увернуться, при этом девушка попыталась нанести животному удар, но лезвие лишь скользнуло по гладкой шкуре. Промахнувшееся животное врезалось в группу рыбаков, задев Милен хвостовым плавником по шлему, от чего девушку едва не опрокинуло, но Лера вовремя поддержала ее.

Проплыв несколько метров, чудовище развернулось и снова ринулось в атаку. На этот раз Олаф подался вперед и, выставив руку с ножом, приготовился поразить животное. Когда его и кита разделяло каких-то несколько десятков сантиметров, парень резко присел и, пропустив над собой животное, вонзил в белое тело нож. Вода моментально окрасилась алым.

И все же Олаф допустил ошибку, чуть не ставшую для него фатальной. Пригнувшись, он натянул свой кислородный шланг, и тот, попав в раззявленную пасть чудовища, был сразу же перекушен. С конца обрезанной трубки стремительным веером пузырьков стал вырываться воздух.

– Олаф! – ахнула Милен, но ее голос утонул в недрах шлема.

Оставив Леру, Милен заторопилась к Олафу, пока раненый кит, оставляя за собой стелящийся красный шлейф, снова разворачивался для атаки.

Тем временем Олаф, чтобы не захлебнуться, задержал дыхание и, мощно загребая руками, торопливо поднимался к поверхности. Предоставленная сама себе Лера приготовилась к новому нападению, но, как выяснилось, целью животного была не она, а быстро всплывающий Олаф.

– Я сейчас!

Желая прикрыть подругу, находившуюся к киту спиной, Лера оттолкнулась от земли, скачком двинувшись наперерез несущемуся животному. Выставив руку с ножом, она стала присматриваться, куда бы лучше ударить. Расклад был явно не в пользу девушки, но инстинкт охотника, подстегнутый адреналином, заставлял Леру решительно действовать. Кровь закипела, обдавая все тело жаром и вытесняя подступающий снаружи костюма холод. Уроки Батона не пропадали даром. Но хватит ли у нее сил, чтобы пробить шкуру чудовища?

Разинув ужасную пасть, усеянную рядами острых зубов, зверь стремительно пронесся над головой девушки, и Лера со всей силы воткнула зазубренное лезвие в лоснящийся белый торс, в том месте, где, по ее предположениям, находилась подбрюшина. Вспоров толстую кожу и слой жира наискось, нож застрял в жесткой плоти, и Леру с силой дернуло в сторону. Раненый кит издал пронзительный рык.

Струящаяся из новой раны кровь заливала обзорное стекло Лериного шлема, полностью дезориентируя девушку. А если и ее шланг оторвется?! Дыхание перехватило... В этот момент из кислородного отверстия в шлеме ей в лицо несколько раз брызнула соленая вода – поплавок из легких гринд слегка погрузился под воду. Лера конвульсивно закашлялась, нёбо обожгла едкая горечь. Только бы не захлебнуться... Вцепившись крепче в рукоятку ножа, девушка постаралась подавить нахлынувший приступ паники.

Проплыв таким образом несколько метров и не в силах выдернуть застрявший в боку чудовища нож, Лера разжала руку, выпуская оружие.

Зависнув в подводном пространстве – поплавок вновь зафиксировался на поверхности, – она стала лихорадочно работать конечностями, чтобы скорее разогнать окутавшие ее клубы крови и разглядеть монстра, который наверняка снова готовился напасть. Но теперь она была безоружна! Перестав двигаться, Лера съежилась, ожидая удара больших челюстей.

Но нет. Подранок, еле видимый в тумане медленно рассеивающейся крови, больше не предпринимал попыток атаки и вскоре скрылся на глубине.

Лера огляделась. Зверь оттащил ее всего на несколько метров в сторону от места охоты на ежей, ближе к затонувшему траулеру. Хорошо, кислородный трос выдержал и не порвался. Бешено колотящееся сердце мало-помалу успокаивалось.

Жалко было драгоценного ножа.

Впрочем, черт с ним, подумала Лера. В конце концов, эта схватка с подводным хищником могла закончиться куда более плачевно не только для нее, но и для остальных рыбаков.

Лера повернула голову и посмотрела вверх. Олаф успешно всплыл, и его покачивающаяся на волнах фигура была отчетливо видна метрах в трех над головой. Подплывшая к девушке Милен засунула нож в ножны и сделала Лере знак двигаться к поверхности.

Остальные рыбаки, рассеявшиеся при нападении кита, подобрали наполненные ежами и моллюсками сетки и гуськом направились в обратный путь. Взяв свой улов, Лера последовала вместе с остальными. Подводная рыбалка была окончена.

На берегу их уже ждали женщины с плетеными корзинами, чтобы переложить в них принесенную охотниками добычу.

– Это белуха, – сказала Милен, когда все выбрались на берег и, дойдя до сарая, сняли шлемы, повесив на козлы легкие гринды. – Разновидность кита. Ее так называют из-за цвета кожи. Вообще-то они в основном достаточно безобидны, но этот был, видимо, слишком голодный. Самец, взрослый. Странно, они не часто подплывают так близко к берегу. Особенно в этом сезоне. Хорошо, что никто не пострадал.

– Она испортила аппарат и чуть не погубила Олафа, – сматывая свой шланг, нахмурилась Лера. Воздух на поверхности по сравнению с пропущенным через трубку казался настолько восхитительно чистым, что от него пьяно кружилась голова. – Ты не говорила, что у берега можно натолкнуться на хищников.

– Ничего, – к ним подошел улыбающийся Олаф, зачесывая назад влажные волосы. – Я могу долго обходиться без кислорода и не дышать под водой. Да и глубина была не такая уж и большая. Трубку, в конце концов, можно починить. А вот ты молодец. Не растерялась.

– Простите меня за нож, – виновато произнесла Лера. – Наглоталась воды и не сумела выдернуть.

– Не беда. Хотя теперь одним и меньше. Что-нибудь придется выдумать на замену, – Олаф положил руку на плечо Леры. – Ты первый раз под водой и действовала сообразно ситуации. Спасибо, что прикрыла меня.

– А почему сработал дозиметр? – спросила смущенная Лера у Милен. – Разве эта белуха радиоактивная?

– Рыбы, заплывающие к нам с Гольфстримом из других краев, иногда носят отпечатки фона, пусть и небольшого, – объяснила та. – Может, оно и к лучшему, что этот кит уплыл умирать в другое место. Его мясо все равно в пищу не годится.

– В любом случае сегодня у нас будет пир горой, – Олаф указал на сложенные рядом сетки, доверху наполненные ежами и ракушками. – Ты когда-нибудь пробовала икру морского ежа?

– Нет, – помотала головой Лера, которой не терпелось поскорее снять с себя снова отяжелевший на поверхности мокрый костюм и натянуть привычную тельняшку.

– Она является важной составляющей нашего рациона, – продекларировала Милен. – Взрослые говорят, что икра способна продлевать молодость и повышает работоспособность.

– А по мне так она просто вкусная, – усмехнулся Олаф. – Особенно если ее засолить.

– Обжора, – с лукавым укором покачала головой Милен. – Тебе лишь бы поесть. Ладно, мы первые переодеться, а то сейчас, похоже, снег пойдет.

Подождав, пока за девушками закроется дверь сарая, Олаф направился к остальным рыбакам – развязывать сетки и переключивать добытый улов в корзины.

* * *

Начавшийся ближе к середине дня снегопад был не сильным и не особо мешал команде «Грозного» и корейцам с выгрузкой техники из отсеков «Черного дракона». Дело уверенно продвигалось вперед, и эта работа помогала морякам легче переносить вынужденное ожидание необходимого отплытия в родные края.

Тем временем Милен повела Леру в баню рядом со своим домом, чтобы смыть впитавшийся в кожу за время подводной охоты китовый жир.

Строение представляло собой большую яму с укрепленными стенами, накрытую стругаными бревнами и заросшим зеленью срубом, в котором имелось небольшое оконце, затянутое овечьим пузырем. Внутри располагался очаг, несколько одинаковых деревянных скамеек для парения и еще пара за отдельной перегородкой – для мытья. Дым выходил прямо через открывавшуюся вовнутрь дверь, а использованная вода отводилась при помощи специального узкого желоба, над которым был настлан пол из полубревен.

Оставив одежду в предбаннике и обернувшись простынями, девушки подождали, пока расположенный в центре парильни и вкусно пахнувший вереском очаг растопился, накалив камни, затем подхватили их длинной прихваткой и побросали в заготовленные кадки и шайки с водой, чтобы получить кипяток.

Мыло здесь тоже было другим, неправильной круглой формы, с пряным запахом непонятных трав. Такой процесс помывки был для Леры в диковинку, а вот маленькая душевая заставила вспомнить о родном Убежище. Напарившись, девушка с удовольствием подставила лицо чуть теплым струйкам воды, лившимся из закрепленной под низким потолком жестяной лейки, приводимой в действие подергиванием деревянного набалдашника, болтающегося на тонкой цепи.

«Как дома», – думала девушка, растираясь полотенцем и чувствуя, как к ней возвращаются силы.

Постирав после мытья белье, остаток дня она провела вместе с Милен на кухне, учась свежевать морских ежей. Их раскалывали специальными ножницами на две половинки и выскабливали из скорлупок оранжевую массу икры, у которой был сильнейший ядовито-йодистый привкус.

– Тут все от сноровки зависит, – наставляла подругу Милен. – Смотри и делай, как я.

Вставив одно из лезвий ножниц в круглый участок в середине ежа, окруженный особо острыми иглами, Милен ловко прорезала панцирь до тех пор, пока острие ножниц не уткнулось в него изнутри, а затем сделала круговой надрез и сняла кусок панциря, словно крышку.

– Вот так, видишь? – она показала половинку разделанного иглокожего Лере.

У внимательно следившей за ее манипуляциями Леры вскоре тоже стало неплохо получаться, хоть девушка и умудрилась пару раз больно уколоть себе пальцы. С ракушками все было намного проще, и Лера довольно быстро наполнила ведро студенистыми моллюсками, которых ловко выковыривала из раковин, раздвигая лезвием створки под присмотром дежурившей на плече Чучундры.

– Ежей мы не только едим, – рассказывала Милен. – Иглы идут на выделку гребешков, швейных принадлежностей, а также нередко используются в строительстве.

– Как это в строительстве? Вместо гвоздей, или еще как?

– Да, иногда их используют как гвозди или заклепки.

– А ракушки?

– Они вывариваются, потом заново склеиваются, и получаются солонки и перечницы. Часто девушки используют их как украшение своих комнат или платьев. Один наш местный художник даже делает из них картины.

Работая, Лера слушала все это с неподдельным интересом. С Мигелем, помогавшим остальным на берегу, она до сих пор еще не виделась. А так хотелось рассказать ему о сегодняшней подводной охоте и поделиться своими первыми впечатлениями от погружения в морские глубины! Интересно, что он на это скажет? Мнения Батона на этот счет девушка не боялась – пусть видит, что и она не сидит без дела.

С наступлением вечера снег перестал. Работы по переправке оборудования на берег были приостановлены, и громаду стоявшего в бухте «Черного дракона» осветили тусклые гирлянды сигнальных огней. Вытащив на берег лодки и сложив инструменты, уставшие моряки потянулись на ужин к амбару, где их с пиrom и надеждами встречали несколько дней назад. Как все изменилось за это время...

Корейская часть рабочих вернулась на танкер.

– Где была? – поинтересовался Батон, когда Лера привычно устроилась за столом между ним и Мигелем, усевшись на стул, выделанный из китового позвонка. Ему не очень нравилось, что девушка жила в отдельном доме, и он не мог за ней как следует присматривать. Чем она там занимается в его отсутствие? Хоть Мигель постоянно маячил перед глазами.

– Гуляла, – накладывая в свою тарелку овощи с икрой морского ежа, неопределенно ответила девушка. Почему-то говорить о своих дневных приключениях со старым охотником сейчас не хотелось. Вот Мигелю она обязательно все расскажет. Ведь он еще не знает, что сегодняшний ужин добыт не без ее участия!

Ели в основном молча. Сидевший во главе стола старейшина Турнотур прекрасно понимал всеобщее настроение и не старался отвлекать разговорами. Но под конец он все-таки поднялся и, оглядев собравшихся за столами людей, сказал:

– Друзья и гости! В нашей семье завтра состоится важное событие. Моя дочь Милен выходит замуж за Олафа Фредрикссона, нашего рыбака и лучшего охотника. Проводим семейную лодку в доброе плавание. Приглашаются все!

– О, свадьба, – оживился Савельев. – Значит, будет какой-то местный обряд, интересно.

– И жраки потребуется от пуза, – недовольно хрюкнул Треска. – Значит, и нас запрягут.

– Не бухти, – одернул приятеля Паштет. – Все равно делать особо нечего. А рыбу ловить – это тебе не с танкера железяки тягать.

Покончив с трапезой, все разбрелись кто куда, оставив местных поваров убирать посуду. Как Мигелю ни хотелось поговорить с Лерой, но Тарас подал ему недвусмысленный знак, и пришлось последовать за остальными мужчинами.

Добравшись до отведенного им домика – на время стоянки было решено разместиться на берегу, хоть на некоторое время сменив узкие каюты пришвартованного у пирса «Грозного» на более просторное помещение, – команда плотно закрыла за собой дверь и устроила совет.

– Сколько это будет еще продолжаться? – при свете коптящих светильников Ворошилов нетерпеливо оглядел собравшихся. – Сколько мы будем еще здесь торчать?

– Да уж, засиделись, – впервые согласился с ним Савельев.

– А если сейчас свалить? – предложил Треска.

– Мы должны помочь местным с выгрузкой техники с танкера, – возразил Тарас. – И свадьба, вы же слышали. Неудобно как-то.

- А с какой такой стати мы должны им вообще помогать? – не унимался Ворошилов.
- С такой, что нас хорошо приняли, дали кров и еду, – нахмурился Тарас. – А в том, что случилось с Хранилищем, частично есть и наша вина. В конце концов, это мы привезли корейцев на острова.
- Саботажники хреновы, – зло буркнул Батон. – М-мать.
- Кто же знал...
- А это уже становится в порядке вещей, а? – ехидно заметил Ворошилов. – Всюду, куда вы ни приплываете, в конечном итоге случается полная жопа. Сначала «Новолазаревская», теперь здесь...
- Заткнись ты уже, чувак, – поморщившись, цыкнул зубом Треска. – И без тебя тошно.
- Ну, допустим, – размышляя, почесал подбородок Савельев. – Покончим мы с этой выгрузкой. Что тогда?
- Надо двигаться домой, – решительно заключил Тарас. – Плыть нам тут не особенно далеко. Должны управиться.
- Но каким образом? – вступил в разговор, сидевший рядом с Треской Паштет. – Корейцы вернулись на танкер. Как мы без них?
- Пока не знаю, – покачал головой старпом. – Но вечно куковать здесь мы не можем. Нужно выдвигаться, пока Убежище не накрылось.
- Так чего же мы ждем? – посмотрел на него Мигель. – Давайте поговорим с Императором и – в обратный путь.
- Легко сказать – поговорить с Императором, – невесело усмехнулся Тарас. – Какого участия можно ожидать от человека, который так поступил с собственным сыном?
- Но он же починил нашу лодку, – пожал плечами Треска. – А сынок получил по заслугам.
- Взамен на то, что мы стали его шестерками, – презрительно бросил Ворошилов.
- Говори за себя! – сверкнул глазами Батон.
- Ясно одно, – Мигель задумчиво покачал четками. – Без участия корейцев мы не можем двигаться дальше.
- Согласен, – кивнул старпом.
- Тупик какой-то, – поскреб небритую щеку Треска. – Даже если нам снова выделяют команду, это что же получается, брать их с собой в Пионерск? А как их там примут наши? Да и согласятся ли они вообще?
- Ладно. Сначала закончим выгрузку оборудования, все одно немного осталось, – подвел итог Тарас. – А там по ходу дела разберемся. Может, и найдется какой-нибудь выход.
- Хотелось бы верить, – вздохнул Савельев.
- Сколько там? – Тарас посмотрел на Паштета.
- Полпервого.
- Поздно уже, мужики, давайте укладываться. Завтра вставать ни свет ни заря.
- Да уж, – потянулся Треска. – Мы так сегодня нарыбачились, что прямо кости трещат.
- Все разбрелись по своим спальным местам. Воспользовавшись случаем, Мигель накинул куртку, незаметно выскользнул за дверь и направился через засыпавшую деревню к дому Турнотура, где все эти дни обитала Лера.
- Подойдя к жилищу, он осторожно постучал в окно комнаты, где разместили девушку. Почти сразу тихонько звякнув щеколдой, Лера подняла ставню.
- Привет, не спишь?
- Нет. Только легла, – зевнув, Лера перегнулась через подоконник и поцеловала Мигеля. – Я соскучилась. Как ты?
- Работаю на берегу. Сегодня переправили с танкера почти всю необходимую технику. Осталось всего ничего.
- А остальные?

– Тоже. Сейчас уже улеглись, а я к тебе.

– Как там Батон?

– Работает, как и все. Не спускает с меня глаз.

– Понятно. Есть новости?

Мигель в нескольких словах описал детали совета, устроенного Тарасом.

– Ясно одно, – закончил он, – нам нужно как можно скорее сниматься отсюда и плыть к вашим.

– Когда? – насторожилась Лера.

– Не знаю. Все зависит от Императора. Без его людей нам не уплыть.

– Опять Император, – Лера впилась ногтями в дерево подоконника. – Сколько еще все будет от него зависеть?

– Не знаю. Тарас считает, что сначала нужно закончить с помощью местным, а потом уже решать вопрос с лодкой.

– И надолго это?

– Выгрузим необходимое на берег – и на этом все. Дальше они уже сами разберутся.

– Хотелось бы верить, – вздохнула девушка. – Достало это ожидание.

– А чем занимаешься ты?

– Ой, столько интересного, – оживилась Лера. – Милен мне все здесь показывает. Сегодня я была на подводной рыбалке и ловила морских ежей, которых подавали на ужин.

– Правда? – удивился Мигель. – Ты умеешь плавать?

– Там этого особо не требовалось, – о неожиданной стычке с белухой Лера предусмотрительно решила умолчать. – Как они тебе, понравились?

– Необычный вкус. Но выбирать ведь не приходится, верно?

– Зато сытные. И еще после разделки осталась целая куча ракушек и игл.

– И что вы будете с ними делать? Выбросите?

– Милен говорит, из них получаются отличные грешки и швейные принадлежности.

Хочешь, заштопаю тебе что-нибудь?

– Да у меня пока все в сохранности, – улыбнулся Мигель.

– Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Думаю, нет, – почесав в затылке, ответил Мигель. – Там требуется сила. Приходится переносить множество агрегатов. Так что пока есть время, отдыхай.

– Хорошо, – послушно кивнула Лера и снова зевнула.

– Тебе пора спать.

– Угу.

– Я тоже пойду. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – в ответ пожелала Лера и, поцеловав на прощание священника, стараясь не шуметь, опустила ставню.

Мигель еще некоторое время постоял под окном, прислушиваясь к ночной тишине. Потом неторопливо двинулся к домику моряков. Вскоре его фигура растворилась во мгле, окутывавшей улицу.

И только тогда от стены соседствовавшего с Турнотуровым дома бесшумно отделилась чья-то тень и, двигаясь короткими перебежками, устремилась в противоположную сторону, к пирсу, возле которого стоял «Грозный». Еще через несколько мгновений призрачный силуэт скрылся внутри атомохода.

Глава 3

Сигнал

На следующее утро работы по выгрузке техники с танкера возобновились, равно как и приготовления к свадебному торжеству. В центре деревни возле амбара устанавливали большой шатер, вокруг которого все утро сустились рабочие, орудовавшие молотками.

Шли седьмые сутки пребывания команды «Грозного» на Фарерах.

Несмотря на накопившуюся усталость и неделю, проведенную на чужой земле, все работали с удвоенной силой, стараясь быстрее закончить разгрузку и тем самым ускорить решение Императора.

Доставляемые на берег механизмы сносились в специально освобожденные хозяйственные амбары, а особо тяжелые контейнеры с растительными культурами оттаскивали с помощью паровых тягачей, впряженных в салазки. Неровная линия берега была сплошь изрыта гусеницами и множеством человеческих подошв.

– Ты куда вчера на ночь глядя бегал? – спросил Мигеля Батон, пока они вдвоем вытаскивали из очередной причалившей лодки электрогенератор. Вот где быгодились могучие руки полярника Мичигана, напрягая мускулы, подумал охотник.

– Не все ли равно, – пропыхтел священник. – Какое тебе дело?

Батон пропустил мимо ушей тот факт, что Мигель впервые обратился к нему на «ты». Он прекрасно понимал, к кому тот ходил накануне. Он привык, что Лера всегда была под рукой и слушалась любого его слова. Но в последние дни девчонка словно избегала его. И причина тому теперь была кристально ясна. У него появился соперник. Правда, немножко другого рода. Работая, Батон прислушался к себе. Но не было ли это естественной неизбежностью? Лера ведь уже выросла. Рано или поздно у нее должен был кто-то появиться.

Но священник? Да еще с другого конца света? Понятно, что от таких отношений не только в нынешние, да и в любые другие времена нестерпимо несло романтикой. Однако смириться с Лериным выбором старый охотник пока никак не мог. Или попросту не хотел?

– Она мне как дочка, усек? Тронешь ее хоть пальцем...

– И что будет? – пятясь под весом увесистой ноши к берегу, задиристо спросил Мигель. – Свернешь мне шею? Это хочешь сказать? Ты вообще что-нибудь еще умеешь, кроме как угрозами сыпать?

Ему начинало порядком надоедать поведение Батона. А после того, что произошло между ним и Лерой в первую ночь пребывания на островах, внутри Мигеля что-то резко переменялось. Теперь ему не меньше старого охотника хотелось принять участие в судьбе девушки, защитить ее. Быть мужчиной, на которого она могла положиться. Быть *ее* мужчиной.

Но случившееся должно было оставаться тайной. По крайней мере, пока. Нет, он не боялся реакции Батона, просто нужно было время. Само все образуется.

– Никто не просил тебя с нами плыть, – пробурчал охотник, вырывая священника из задумчивости.

– Да, это было мое решение.

– Нет. Это она тебя притащила, – упрямо гнул Батон. – Запудрил девчонке мозги. Бабы спустя столько лет захотелось?

– Не называй ее так. Я ничего не делал. Просто был рядом, когда ей это было нужно, – возразил Мигель. – В отличие от тебя. Она сама сделала выбор.

– Тут не из чего выбирать. Ты чужак, усек?

– Уже нет, – ответил Мигель, пока они подносили генератор к нагруженным контейнерами салазкам, впереди которых искривленной выхлопной трубой пыхтел тягач. – Уже нет.

– Ставим.

Водрузив агрегат на салазки, мужчины выпрямились и некоторое время молча буравили друг друга хмурыми взглядами.

– Ты крещеный? – вдруг спросил Мигель.

– Что с того? – набычился Батон.

– Так да или нет?

– Ну, допустим. Тебе-то какое дело? – охотник сложил на груди руки.

– Откуда в тебе столько злобы? – покачал головой Мигель. – Неужели за последние двадцать лет ты видел в мире только плохое?

– А чего в нем осталось хорошего, святоша? – застывший, словно изваяние, обронил Батон. – Или ты хочешь сказать, что жил не тужил все это время в Антарктике?

– Не хочу. Но вера...

– Знаешь что сделай со своей верой? – зло оборвал охотник. – Я верю только в себя. Что ты знаешь о радиации, заражениях, карантине и эпидемиях? Сколько видел мутантов, надевал хоть раз противогаз и химзу? Что ты обо всем этом знаешь, святоша?

Треска, топтавшийся у новой прибывшей и ожидавшей выгрузки лодки, сигнализировал им издали, но они ничего не замечали.

– Не заводишься. Вместо всего этого я двадцать лет был один...

– Один, – сплюнул на гальку Батон. – У тебя «Новолазаревская» все время была под боком, и никто, слышишь, никто не заставлял тебя отшельничать. Все мы теперь одни. У меня там тогда семья осталась. До. А? Кто мне вернет ее? Ты? Твой Господь Бог? И ты еще спрашиваешь, что в этом мире осталось хорошего? Ничего, слышишь? Ничего!

– Не у тебя одного, – с вызовом вскинул голову Мигель. – Каждый из нас чем-то пожертвовал!

– Это была не жертва, а массовое убийство, – опуская руки, повысил голос Батон. – Бойня! И твоя пустая вера здесь ничем не поможет!

– Вера – не пустой звук, – горячо возразил Мигель. – Господь не оставляет нас даже в самые темные времена. Просто мы каждый раз забываем об этом.

– Ты что же, нотации мне читать вздумал?!

Неизвестно, чем бы закончилось это препирательство, если бы мужчин не прервала Лера, появившаяся на берегу в компании Милен. Наскоро позавтракав, подруги решили предпринять утреннюю прогулку, прихватив с собой Чучундру. Сегодня настала очередь Леры выдумывать, чем заняться.

– Опять спорите?! – еще издали закричала девушка. – Мигель, не цепляйся к нему!

– А ты куда намылилась? – напустился Батон на Леру.

– Хочу показать Милен «Грозного», – подходя, ответила девушка. – Мы успеем до церемонии. Тарас разрешил.

– Тарас разрешил, – машинально повторил охотник. – Ладно, разрешил так разрешил. Только не трогайте там ничего.

– Не будем. А вы кончайте ругаться, тошно уже, – фыркнула Лера, и девушки пошли дальше вдоль берега по направлению к пирсу, возле которого была пришвартована субмарина.

– Не про тебя она, понял? – упрямо, но уже без агрессии буркнул Батон, ощутив новый укол ревности, пока Мигель взглядом провожал Лерину спину.

– Давай лучше работать, – вздохнул священник.

– Да иди ты.

Закончив на этом разговор, мужчины направились к покачивающейся на волнах лодке и нетерпеливо дожидавшемуся их Треске. На полдороге Батон обернулся и посмотрел вслед Лере и Милен. У старого охотника недобро заняло сердце.

С самого начала «Иван Грозный» произвел на Милен сильное впечатление. Пока они брели по прибрежной гальке, девушка во все глаза смотрела на приближающуюся громаду атомохода.

– И как он мог сохраниться спустя столько лет? – благоговейно проговорила она. – Такой большущий.

– Благодаря ядерному реактору, – на ходу объясняла Лера. – Представляешь, его мощности хватает не только на лодку, но и на обеспечение энергией всего нашего Убежища.

– Даже не верится, что люди раньше плавали на них по морям. Интересно, сколько во всем мире было таких лодок?

– Не знаю, – Лера пожала плечами. – Много, наверное.

Ступив на пирс, девушки пошли к трапу.

– И все они участвовали в той войне, – вздохнула Милен.

– Да, – печально согласилась Лера. – И наша тоже. Но теперь уже ничего не поделаешь. Идем.

Поднявшись по трапу, девушки оказались внутри «Грозного». Стоячий воздух привычно пах проводкой и резиной. Вокруг стояла мертвая, ничем не нарушаемая тишина.

Вытащив из кармана куртки Чучундру, Лера опустила мышку на металлический пол.

– Беги, гуляй.

Осмотр начали с верхней палубы, постепенно спускаясь вниз. Следуя за Лерой, Милен во все глаза смотрела по сторонам и только диву давалась. Коридоры, тоннели, толстые массивные перегородки между отсеками, крутые лестницы, двери с непонятными словами и буквами, змеящиеся трубы и пузатые вентили – все в обрамлении сложнейших приборов и устройств непонятного назначения. Настоящий рукотворный лабиринт.

Для Милен лодка казалась настоящим плавающим городом. Сколько же она могла вместить людей? Наверное, всех обитателей их деревни.

– И как вы не теряетесь здесь? – с удивлением спросила она, пока они все глубже спускались в недра «Грозного».

– Тут быстро ко всему привыкаешь и начинаешь ориентироваться. Хотя да, поначалу с непривычки можно свернуть не туда.

Идущая впереди Лера улыбнулась, вспомнив, как когда-то давно сама, первый раз очутившись на борту в ночь побега, вслепую плутала по многочисленным коридорам в поисках укромного местечка, чтобы спрятаться. Как впервые вне дома заночевала в спасательном боте. А наутро познакомилась с обитавшей на борту Чучундрой. Как же это все было давно...

Далее она показала Милен капитанский мостик, кают-компанию с лежащей на диване гитарой и камбуз, на котором провела столько долгих дней и ночей за время их путешествия.

– А вот тут я дежурю во время плавания, – Лера указала на кухонные плиты и развешанные над разделочным столом начищенные сковородки и поварешки.

– Так вот откуда у тебя любовь к готовке, – улыбнулась Милен. – И как ты со всем справляешься – кормить столько мужчин?

– Мне помогают Паштет с Треской. Это их вотчина.

– Понятно, – Милен присела на корточки. – Не прижились?

– Не хотят... – Лера грустно посмотрела на картофель. – То ли удобрений каких не хватает, то ли света мало.

Датчанка с любопытством оглядела пожухлые побеги, торчавшие из наполненных землей мешков, а также булькающий самогонный аппарат Паштета и Трески, усердно вырабатывавший брагу из водорослей и грибов.

– А это что такое?

– Пойло, – объяснила Лера, брезгливо наморщив нос при воспоминании о вечно пьющем Батоне. – Алкоголь.

– Интересный способ, – Милен потрогала конструкцию. – У нас некоторые тоже гонят, только делают это в деревянных бочках, для вкуса.

– Да я вообще бы его не видела. Одна сплошная головная боль. Пойдем дальше.

Самое большое впечатление на Милен произвел ноутбук с плавающими по экрану рыбками.

– Как красиво!

– Это компьютер, – Лера положила руку на мышку. – Смотри.

Девушки провели за ноутбуком некоторое время, пока Лера показывала восхищенной Милен различные пейзажи довоенной Земли.

– Какая она все-таки была прекрасная, – с завистью заключила Милен.

Не обошли вниманием и грузовой отсек, в котором между тяжелых контейнеров ютилась палатка, поставленная Батоном. На Леру снова нахлынули воспоминания. И чего старому охотнику не жилось вместе со всеми? Места-то хватает. Но, понятно, так ему было легче напиваться, пока никто не видит.

На обратном пути из грузового отсека девушки прошли мимо радиорубки, и Лера сбавила шаг.

– А вот здесь я больше всего люблю находиться, – сказала она, толкнув дверь.

– Что это?

– Радиоузел, – ответила Лера, входя в небольшое помещение, уставленное аппаратурой.

...Говорит «Иван Грозный», как слышите меня? SOS! Просим помощи. Повторяю, SOS! Просим помощи! Мы у Земли Королевы Мод. Самим не выбраться. Координаты: восточная часть Антарктиды между 20-ю градусами западной долготы и 45-ю градусами восточной долготы...

Лера замерла и поежилась. Даже спустя столько времени после катастрофы в Антарктике, при виде аппаратуры в ушах продолжал звучать запертый в невидимых динамиках голос погибшего Ежи.

– Здесь я записала сообщение, которое позже перехватил «Черный дракон», – сев в кресло радиста, вздохнула Лера. – Я часто прихожу сюда, когда бывает не с кем поговорить.

– А как это работает? – встав за спинкой ее кресла, спросила Милен.

– Смотри, – с легкостью проигнорировав запрет Тараса, Лера нажала несколько кнопок, включая технику. – Теперь жмем вот сюда и крутим, чтобы найти нужную волну.

– Хрш-р-р-ш, – в ответ на ее действия зашипели динамики.

Некоторое время девушки молча вслушивались в размеренный треск помех.

– Видишь, никого, – первой заговорила Лера.

– И так молчит уже двадцать лет, – тихо протянула Милен.

– Да. Но можно самим записать сообщение, закольцевать и передавать какое-то время.

– Кто его услышит... – вздохнула Милен.

– Не знаю, – убрав палец с тангеты микрофона, Лера продолжала крутить волновую ручку, наугад прощупывая эфир. Еще раз, и еще. Зачем она это делала? Чтобы показать Милен, что не хуже мужчин умеет обращаться со сложной техникой? Или...

– ...ит «Москва»... ш-ш-ш... – неожиданно хрипло выдали динамики.

Лера как ошпаренная отдернула руку, сбив волну. В радиорубке повисла мертвая тишина, нарушаемая только треском эфира.

– Что это?... – через несколько секунд осторожно прошептала Милен.

Лера так и замерла с рукой, зависшей в воздухе. Померещилось... Какая-нибудь старая запись... или что-то еще. Мало ли за все время тут накопилось архивов. Но «ит «Москва»...

«Ит» – это наверняка «говорит», мысленно рассуждала девушка. Их же судно называлось «Иван Грозный», а не «Москва». Тогда что это? Чье-то убежище? Город?

А вдруг...

Она почувствовала, как по спине снизу вверх побежали мурашки.

– Лера? – выдохнула Милен.

Облизнув мигом пересохшие губы, Лера снова протянула руку и, коснувшись колесика, плавно повела его в сторону.

– ...целели! Повторяю, говорит «Москва»! Как слышите меня... – потребовал разнесшийся по комнате мужской голос.

Отпустив колесико, словно боясь спугнуть, Лера медленно повернула побледневшее лицо к застывшей Милен.

– Сигнал, – только и смогла выговорить она.

– ...координаты 44 градуса 36 минут северной широты, 33 градуса 31 минута восточной долготы... Мы в Севастополе... терпим... б... ие...

– Этого не может быть, – потрясенная Милен еле шевелила губами.

– ...выжившие... хр-р...

– Севастополь.

Обе девушки замерли, полностью превратившись в слух.

– ...Повторяю, говорит «Москва»! Флагман Черноморского флота России, противолодочный крейсер «Москва», как слышите? Терпим бедствие. Есть выжившие. Сигнал на репите, прием! ...ш-ш-ш... Мы здесь... Есть кто-нибудь живой...

– Надо записать! – выйдя наконец из оцепенения, Лера забегала пальцами по многочисленным кнопкам.

Потрясение было слишком сильно. Уцелевшие в ядерном пожарище моряки спустя двадцать лет продолжали на повторе мониторить эфир на всех доступных частотах в поисках выживших соотечественников или обитателей доступных диапазонов стран! ЕЩЕ ВЫЖИВШИЕ, где-то в их родных краях! Это было просто невероятно.

Лера судорожно сглотнула подкативший к горлу ком, стараясь обуздать заматававшиеся в голове мысли. Штабу Черноморского флота, о котором она столько раз слышала от взрослых, каким-то образом удалось уцелеть! Но почему они узнали об этом именно сейчас? Находясь практически на другом конце света...

Проверив, что запись сделана, она повернулась на крутящемся стуле к Милен.

– Надо скорее рассказать остальным!

– Так идем!

Выбежав из радиорубки, девушки заторопились к лестнице, ведущей на верхнюю палубу, как вдруг Леру привлек какой-то посторонний звук, доносящийся со стороны медпункта.

– Подожди, – она придержала Милен за руку.

– Что такое?

– Слышала?

– Да, и что? – не поняла подруга.

– А то, – снова прислушалась Лера. – Кроме нас на борту сейчас никого не должно быть. Эй! Дядя Тарас, дядя Миша! Это вы?

Ответа не последовало.

– Мигель? Мы здесь! Это я, Лера!

Снова тишина.

– Может, это Чучундра, – предположила Милен.

– Нет, она слишком маленькая, чтобы так шуметь... и к тому же сидит позади тебя. Идем, – Лера решительно потянула Милен по направлению к медпункту.

– Постой. А как же сигнал?

– Сначала надо проверить, – мотнула головой Лера. Вскоре они оказались у приоткрытой двери, ведущей в медблок. Осторожно толкнув ее, девушки вошли внутрь и, потрясенные, замерли на пороге.

На полу валялись раскрытые коробки с медикаментами, ножницы, выпотрошенные блистеры, горсти таблеток, шприцы и окровавленные бинты. Крови вообще было очень много – на полу и стенах виднелись отпечатки подошв ботинок и человеческих рук.

– Что за... – удивленно ахнула Лера.

Позади девушек раздались чьи-то шаги, но обернуться Лера не успела: ее свалил мощнейший удар в висок. Рухнув на пол, она потеряла сознание, а неизвестный тут же бросился на растерявшуюся Милен. Он толкнул ее на стеллаж, с которого посыпались лотки с медикаментами, схватил сзади за волосы и другой рукой приставил к ее горлу сверкнувшее лезвие ножа. От толчка у девушки поплыли круги перед глазами, но она успела разглядеть лицо навалившегося на нее человека.

Это был Линь Им.

За время своего отсутствия кореец разительно изменился. Лицо его было исцарапанным и осунувшимся, а под сверкающими безумной злобой и подернутыми странной поволокой глазами пролегли иссиня-черные круги. Бронекостю превратился в лохмотья, правое предплечье и левое бедро были туго перемотаны свежими бинтами, на которых все же проступала кровь. Крепко державший испуганную Милен кореец судорожно дышал.

– Как ты выжил... – обмерла девушка.

Несмотря на убеждение старейшин, Линь Иму каким-то образом удалось выбраться из леса более-менее невредимым. Сипло пробормотав что-то на корейском, он встряхнул девушку, крепче прижимая нож к ее шее.

– Я не понимаю, – пискнула Милен.

Линь Им вновь что-то угрожающее зашипел. Это было еще какое-то незнакомое наречие: звуки слетали с его языка, словно издаваемые схваченной за горло змеей. Судя по сбивчивой интонации, нападавший как заведенный повторял одно и то же. У Милен потемнело в глазах. Ей показалось, что она уже слышала подобные звуки, однажды задержавшись в лесу. Но тогда говорили не люди...

Вдруг в затылок корейца уперся вороненый ствол «Перначка».

– Положи железку на пол и отойди от девушки, – не удосуживаясь, понимают его или нет, вкрадчиво приказал Батон.

Линь замер, но не ослабил хватки.

– Слышишь? Кому говорю! – рявкнул охотник.

Кореец медленно отнял нож от шеи Милен и, держа перед собой руки, плавно повернулся к Батону. Оглядев стоявшего перед ним противника, он презрительно скривился и что-то коротко сказал.

– Не утруждайся. Вот так, а теперь клади его на пол, – стволом пистолета Батон сделал короткое движение вниз. – Медленно.

Это было ошибкой. Линь Им подался на полкорпуса в сторону, уходя с линии огня, и, перехватив руку Батона за запястье, коротким боевым приемом выбил из нее пистолет, который отлетел в коридор. Охотник едва успел отпрыгнуть от вспоровшего воздух лезвия на уровне его шеи. Обезоружив противника, Линь бросился в атаку, выдавливая Батона в коридор.

Милен кинулась к Лере и, присев рядом с ней, осторожно приподняла ее голову. Девушка по-прежнему была без сознания, а из виска у нее струилась кровь.

Линь Им напирал на Батона, выставившего перед собой кулаки, и старался оттеснить его от лежавшего на полу пистолета. Кореец был измотан, ранен и явно потерял много крови, но у него имелось преимущество в виде ножа. Перехватив его, он подался всем телом вперед и выставил руку, пытаясь достать до груди охотника. Батон ушел в глухой блок и в свою очередь смог съездить Линю кулаком в висок. Кореец пошатнулся, но устоял.

Батон ринулся вперед и, перехватив противника за руку с ножом, с ходу нанес ему серию ударов в солнечное сплетение. Что-то яростно выкрикнув, Линь напрягся и еще одним приемом отбросил Батона от себя на пол, полоснув ему по предплечью ножом.

Охотник зарычал, но скорее не от боли, а от вида показавшейся из-под водолазки собственной крови. Подняться он не успевал, и Линь, что-то крича, прыгнул на него с занесенным над головой ножом, который сжимал обеими руками. Уходя от удара, Батон перекатился по узкому коридору, и лезвие лишь звонко чиркнуло по металлу позади него. Пока Линь перегруппировывался для нового удара, Батон встал на четвереньки и тут прямо перед собой увидел пистолет.

Кореец отреагировал моментально: грохнувшись на пол, он схватил охотника за ноги, не давая ему продвинуться к оружию. Батон стиснул зубы и, изо всех сил работая локтями, тяжело пополз вперед. В следующее мгновение Линь с размаху вонзил нож ему в ногу чуть выше колена. Охотник заревел и лягнул противника берцем по лицу. Оглушенный Линь дернулся, а Батон подтянулся рывком на обеих руках, преодолевая последние сантиметры.

Линь попытался схватить охотника за ремень, но понял свою ошибку слишком поздно. Нащупав «Пернач», Батон стремительно развернулся и нажал на спуск. Грохнуло несколько выстрелов, грудь Линя взорвалась фонтанчиками крови, и словно натолкнувшийся на невидимую стену кореец откинулся назад, сев на колени. Его лицо приняло удивленное выражение, из приоткрытого рта на грудь заструилась кровь. Попытавшись что-то сказать, Линь выронил нож и грузно повалился навзничь.

Батон поднялся и тыльной стороной ладони вытер выступивший на лбу пот. Распростертый у его ног кореец больше не шевелился. Отданный на растерзание лесным силам, он пал от руки человека.

– Как вы здесь оказались? – на ломаном русском удивленно спросила Милен, когда Батон показался на пороге медблока.

– Слишком долго вас не было. Вот решил проверить, и как оказалось, очень вовремя.

– Вы ранены!

– Пустяки. Как Лера?

– Без сознания.

– А ты?

– Спасибо вам, – дрогнувшим голосом ответила Милен и всхлипнула.

– Все закончилось, – Батон бережно придержал голову Леры. – Господи, хоть бы обошлось. Что ж ты, дуреха, опять полезла.

– Он хотел убить меня за смерть Дана, я знаю.

Милен посмотрела на тело корейца, лежащее в расплывающейся луже крови.

– Как он сюда попал?

– Вероятно, сумел выйти из леса и пробрался на лодку, чтобы перевязать раны, – предположил Батон. – Все-таки надо было выставить охрану, черт. И где он только ножик достал?

Подняв с пола оружие Линя, Батон засунул его за голенище сапога.

– А что он собирался делать дальше?

– Понятия не имею. Но уверен, ничего хорошего, – убрав пистолет за пояс, Батон взял Милен за плечи и аккуратно отстранил от Леры. – Так. Нужно перенести ее на берег.

Подняв девушку на руки, охотник вышел из медпункта. Милен последовала за ним, с содроганием переступив через неподвижное тело Линь Има.

Узнав о случившемся, Турнотур был вне себя от гнева. Поблагодарив Батона за спасение дочери, он немедленно устроил короткое совещание со старейшинами. Это был второй случай, после памятной истории с подземным тоннелем, когда кому-то удалось избежать смерти в Фарерских лесах. Как это получилось у Линь Има – для всех оставалось загадкой.

Общим решением пришли к заключению, что не нужно ставить Императора в известность. После изгнания Линь Им и так уже числился мертвым, поэтому Турнотур постановил без лишнего шума похоронить тело в акватории острова.

Когда стемнело, от берега отделилась небольшая лодка с двумя моряками, споро работавшими веслами. Отплыв на достаточное расстояние, они перестали грести и, приподняв обернутое в парусину тело Линь Има, перекинули его за борт. Привязанный к ногам покойника тяжелый камень быстро увлек его на дно, а гребцы развернули лодку и так же тихо вернулись в деревню. Так закончил свой путь сын последнего Императора Кореи...

К тому моменту выгрузка техники с танкера была полностью завершена, и освободившиеся моряки отправились в свой барак готовиться к свадебной церемонии. Убедившись, что с Лерой все в порядке, Батон оставил ее на попечение Милен и мадам Ламбар и присоединился к команде, прихватив с собой Мигеля, которому не разрешил подходить к своей подопечной.

Через некоторое время Лера пришла в себя и непонимающим взглядом уставилась на Милен, сидевшую возле ее кровати. В руках девушка держала Чучундру.

– Что случилось? – оглядев комнату и осознав, где находится, слабым голосом спросила Лера.

– На нас напали, когда мы были на лодке, – ответила Милен. – Это Линь Им. Он оглушил тебя.

– Линь Им... Но как он... А что было дальше? Я ничего не помню.

– Потом появился твой наставник. Это он спас нас.

– А Линь Им?

– Мертв.

Привставшая было Лера снова откинулась на подушки. Несмотря на травяной компресс, сильно болела голова. Побледневшую девушку немного тошнило. Внезапно новая мысль заставила ее, поморщившись, сесть на кровати.

– Сигнал!

– Да, мы получили чей-то сигнал, и ты его записала.

– Нужно скорее рассказать остальным, – Лера откинула одеяло и свесила ноги с кровати.

– Успеется, – остановила ее подруга. – Лежи, на тебе лица нет. Отдыхай. Скоро будет готов бульон. К тому же у меня свадьба, забыла?

– Нет, – Лера решительно сняла со спинки стула тельняшку и стала ее натягивать. – Нужно рассказать как можно скорее! Это важно. Где все?

– Закончили разгружать танкер, – Милен неодобрительно следила за ее действиями. – Сейчас готовятся к церемонии. Ждут решения Императора.

– Я должна пойти к ним, – твердо заявила Лера.

– Мама сказала, что тебе нужен покой. Пожалуйста, у нас все готово, не лишай меня этого торжества.

– Пойми, необходимо как можно скорее рассказать об этом Тарасу, – настаивала Лера, на шаривая ступнями ботинки. – Если станет известно, что я не сразу сообщила эту информацию, может быть только хуже.

– Ладно, – сдалась Милен, выпуская на прикроватную тумбочку мышку. – Но сначала поешь. Хотя бы пару ложек.

Торопливо заставив себя проглотить немного наваристого бульона из каких-то корешков, Лера в сопровождении Милен отправилась к бараку, где команда «Грозного» заканчивала приготовления к торжеству.

Как только девушка появилась на пороге помещения, все взоры сразу же обратились в ее сторону. Новость о стычке с Линь Имом на борту «Грозного» и о вовремя подоспевшем Батоне быстро облетела деревушку. Все переживали за Леру.

– Как ты? – спросил вскочивший со своего места и под недовольным взглядом охотника подошедший к Лере Мигель. – Если бы не Батон...

– Нормально. Жить буду, – коротко ответила девушка. – Мне нужно поговорить с Тарасом. Дядя Тарас!

– Ты, я гляжу, совсем не можешь без приключений, – застегнув верхнюю пуговицу парадного кителя, хмуро посмотрел на Леру старпом. – Почему не в кровати? Что еще?

– Это важно, – девушка присела на свободное место рядом с ним.

– Ну, рассказывай, коли важно.

Немного подождав, пока подкатившая к голове боль успокоится, Лера пересказала Тарасу все произошедшее на борту лодки.

– Гм, – выслушав, погладил усы старпом. – Я же тебе ясно сказал что? Ничего там не трогать. А ты опять за свое. Выпороть бы тебя как следует.

– Знаю, но...

– А ты ничего не выдумываешь? Тебя все-таки хорошо по голове приложили.

– Вот-вот, – подал голос из своего угла Треска. – Глючит ее, делов-то.

– Тебе бы полежать еще, – участливо заметил Паштет.

– Нет, я же записала сигнал, – насупилась девушка. – Идемте, вы должны это услышать! Там моряки, они вызывают...

– Пособирались, нечего сказать. Ну, раз вызывают, тогда пошли, – все еще не до конца веря в услышанное, вздохнул Тарас, одергивая перед зеркалом форму. – Идемте, мужики.

Остальные на это ответили недовольным ворчанием, но по знаку старпома послушно отложили сборы и, натянув куртки, вышли на темную улицу. Мигель ни на шаг не отходил от Леры.

– Ты с нами? – ступив на крыльцо, Лера посмотрела на Милен.

– Нет, иди. Я подожду тебя дома. Мне нужно надеть платье.

– Хорошо.

Добравшись до «Грозного», девушка и моряки проследовали сразу в радиорубку, минуя коридор возле медблока. Запекшуюся бурю лужу на полу с кровью Линь Има еще не успели убрать.

– Ну, показывай, что тут у тебя, – вздохнул Тарас, когда все плотно набились в тесное помещение.

Сев в кресло радиста Лера нажала несколько кнопок на пульте.

– ...ит «Москва»... ..ш-ш-ш... – снова полилось из динамиков. – ...целели! Повторяю, говорит «Москва»! Как слышите меня, координаты 44 градуса 36 минут северной широты, 33 градуса 31 минута восточной долготы... Мы в Севастополе... терпим... б... ие... ..ыжившие...

Все присутствовавшие в рубке затаили дыхание. Слушая родную речь, Батон снова почувствовал то же ощущение, что испытал несколько недель назад на борту «Льва Поликарпова», когда разговаривал с таинственным Поштой из Крыма. Еще выжившие... И, судя по координатам, не так уж и далеко от их дома! Хотя по меркам нынешнего времени даже самое малое расстояние на поверхности представляло собой серьезное препятствие для путешественников.

– ...Повторяю, говорит «Москва»! Флагман Черноморского флота России, противолодочный крейсер «Москва», как слышите? Терпим бедствие. Есть выжившие. Сигнал на репите, прием! ...ш-ш-ш... ..Мы здесь... Есть кто-нибудь живой...

Запись закончилась, и в рубке наступила мертвая тишина.

– Что... что же это... – тихо проговорил Савельев.

– «Москва», – упершись кулаками в стойку пульта, уронил Тарас. – Проект 1164, «Атлант». Значит, живы братухи.

– Откуда нам знать, живы они или нет, – недоверчиво оглядел собравшихся Ворошилов. – Тут же ясно сказано – сигнал на повторе. Что, если запись просто гоняет по кругу все двадцать лет?

– Но кто-то должен следить за передачей, – предположил Паштет. – Неужели техника все это время сама на автоматике пашет?

– Не знаю... Крейсер противолодочный, тридцатая дивизия надводных кораблей, был оснащен по последнему слову, – Тарас задумчиво посмотрел на сидящую девушку. – Может, кто и остался. Мы же живы еще пока. Молодец, Лерка!

– Только не говорите, что мы сейчас все бросим и поплывем проверять, – поморщился Ворошилов.

– Мы – нет, – не оборачиваясь, ответил Тарас. – У нас время на исходе, нужно домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.